

Исторія созданія „Евгенія Онѣгина“.

4 ноября 1823 года, тогда, когда уже была закончена первая глава и написано не меньше половины второй главы «Евгенія Онѣгина», Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Что касается до моихъ занятій, я теперь пишу не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница. Въ родѣ Донъ-Жуана. — О печати и думать нечего; пишу спустя рукава. Цензура наша такъ своенравна, что съ нею невозможно и размѣрить круга своего дѣйствія — лучше объ ней и не думать — а если брать, такъ брать, — не то что и когтей марать.» «Не романъ, а романъ въ стихахъ — дьявольская разница»... Въ предисловіи къ первому изданію первой главы Пушкинъ говорилъ: «Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.... Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана..... Но да будетъ намъ позволено обратить вниманіе читателей на достоинства, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.» А въ предпоследней строфѣ послѣдней главы поэтъ вспоминалъ о томъ, какъ

Промчалось много, много дней
Съ тѣхъ поръ, какъ юная Татьяна
И съ ней Онѣгинъ въ смутномъ снѣ
Явились впервые мнѣ —
И даль свободнаго романа
Я сквозь магическій кристалъ
Еще не ясно различалъ.

Все говорить о томъ, что приступая къ своему роману (и даже уже работая надъ нимъ), Пушкинъ менѣ всего думалъ о самомъ «романѣ», о его планѣ, о герояхъ, объ интригѣ, о развитіи сюжета: не о романѣ, а о романѣ «въ стихахъ» (удареніе на «стихахъ» — «дьявольская разница!») думаетъ онъ, допускаетъ, что это «большое стихотвореніе» не будетъ окончено и еще не различаетъ (да и не заботится объ этомъ) «даль свободнаго романа». Содержаніе «большого стихотворенія»? — Въ предисловіи къ своему роману (прежнемъ посвященіи П. А. Плетневу) поэтъ исчерпывающе опредѣляетъ его:

Собранье пестрыхъ главъ,
Полу-смѣшныхъ, полу-печальныхъ,
Простонародныхъ, идеальныхъ,
Небрежный плодъ моихъ забавъ,
Безсонницъ, легкихъ вдохновеній,
Незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ,
Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ.

«Въ родѣ Донъ-Жуана» — въ родѣ пестрыхъ строфъ поэмъ Байрона съ частыми отступленіями. Первоначально романъ и былъ задуманъ въ качествѣ сатирическаго «стихотворенія», и въ первыхъ двухъ главахъ поэтъ дѣйствительно «захлебывался желчью», но съ третьей главы сатира все болѣе и болѣе вытѣснялась чистой лирикой, лирика — Татьяна (въ третьей главѣ находится письмо ея) побѣждала сатиру — Онѣгина (въ томъ, что касается до развитія психологическаго романа, «Евгеній Онѣгинъ» болѣе еще, чѣмъ съ поэмами Байрона, связанъ съ «Рене» Шатобриана и — еще болѣе — съ «Адольфомъ» Бенжамена Константа). Въ 1823-1824 г.г. Пушкинъ говорилъ о сатирѣ и «цинизмѣ» «Евгенія Онѣгина», въ 1825 году онъ иначе уже писалъ (А. А. Бестужеву): «...все-таки ты не правъ, все-таки ты смотришь на Онѣгина не съ той точки, все-таки онъ лучшее произведеніе мое. Ты сравниваешь первую главу съ Д. Ж. — Никто болѣе меня не уважаетъ Д. Ж. (первыя 5 пѣсенъ — другихъ не читалъ), но въ немъ нѣтъ ничего общаго съ Онѣг. Ты говоришь о сатирѣ англичанина Байрона и сравниваешь ее съ моею, и требуешь отъ меня таковой же! Нѣтъ, моя душа, многого хочешь. Гдѣ у меня сатира? о ней и помину нѣтъ въ Евг. Он. У меня бы затрещала

набережная, если бѣ коснулся я сатиры. Самое слово сатирической не должно бы находиться въ предисловіи. Дождись другихъ пѣсень....»

При томъ отсутствіи плана, съ которымъ Пушкинъ приступалъ къ созданію «Евгенія Онѣгина» («и даль свободнаго романа я сквозь магическій кристалъ еще не ясно различалъ»), при той борьбѣ сатирическаго замысла съ побѣждавшей его чистой лирикой, при той и длительности времени писанія и при большихъ перерывахъ въ писаніи романа, и двойственности романа и «пестрыхъ строфъ», приходится поражаться цѣльности «Евгенія Онѣгина». «Евгеній Онѣгинъ», самое значительное (и любимое) произведеніе Пушкина, конечно, цѣленъ, но цѣленъ не строгой проведенностью плана, не соразмѣрностью частей и элементовъ (какъ можно говорить о соразмѣрности частей романа, задуманнаго въ трехъ частяхъ, когда первая часть занимаетъ шесть главъ, а двѣ другія части — всего двѣ главы, когда медленность развитія романа въ первыхъ главахъ вдругъ замѣняется стремительностью повѣствованія — досказыванія романа въ послѣднихъ главахъ, когда лирическія отступленія такъ неравномѣрно распредѣлены, что однѣ главы состоятъ почти сплошь изъ однихъ лирическихъ отступленій, а въ другихъ главахъ почти вовсе нѣтъ отступленій!), — цѣльность «Евгенія Онѣгина» заключается не въ строго обдуманномъ и проведенномъ планѣ, а въ отсутствіи всякаго плана, въ особенныхъ условіяхъ, въ особенной формѣ свободнаго лирическаго романа. Цѣльность поэтическаго созданія, гармонія разнообразнаго цѣлаго объясняется единствомъ и цѣльностью поэтической личности Пушкина, выраженной въ романѣ.

Поэтическая личность Пушкина въ теченіе того десятилѣтія, въ которое создавался «Евгеній Онѣгинъ», постоянно измѣнялась, росла и развивалась, но и въ своемъ развитіи, порой чудесно стремительномъ, оставалась цѣльной и единой. Поэтическая личность Пушкина, такъ полно выраженная въ романѣ, нашла для себя лучшую форму свободнаго лирическаго романа, и только эта форма могла обезпечить поэтическую цѣльность «Евгенія Онѣгина», несмотря на то, что онъ создавался въ теченіе десятилѣтія, несмотря даже на невыдержанность плана. Не ходъ романа, не нить его и интрига создали единство и цѣльность, а лирика Пушкина, ор-

ганически единая и цѣльная въ своемъ могучемъ гениальномъ развитіи лирика, которая органически связана съ романомъ и которая составляетъ едва-ли не самую существенную часть романа — душу «Евгенія Онѣгина», въ то время, какъ сюжетная рамка романа составляетъ всего на всего рамку, канву, которой суждено было съ самаго начала играть композиціонную роль скрѣпленія, сцѣпленія лирическихъ отступленій (правда, «Евгеній Онѣгинъ» часто выходилъ изъ своей рамки, и самый романъ начиналъ порой играть доминирующую роль). Такъ органически связана лирика Пушкина съ его романомъ, что нельзя изучать «Евгенія Онѣгина» внѣ связи съ его лирическимъ творчествомъ.

«Въ родѣ Донъ-Жуана»... «Донъ-Жуанъ» Байрона состоитъ изъ ряда строфъ; изъ ряда строфъ, «онѣгинскихъ» строфъ, состоитъ «Евгеній Онѣгинъ», — и избрѣтенная Пушкинымъ строфа въ большой степени обусловила характеръ его произведенія. Эта строфа была впервые найдена поэтомъ въ апрѣлѣ 1822 года, когда онъ задумывалъ лирической романъ «Таврида» (начало «Тавриды» впоследствии вошло въ «Евгенія Онѣгина») и, съ очень незначительными измѣненіями, Пушкинъ принялъ ее для «Евгенія Онѣгина». Обозначая ударяемые слоги значкомъ —, неударяемые о, прописной буквой женскія риѣмы и маленькой мужскія, мы получаемъ такую схему строфы изъ 14 стиховъ, заключающей въ себѣ три четверостишія, построенныя каждое по-особому, и заключительное двустишіе:

1-ое четверостишіе:	о — о — о — о — о А
	о — о — о — о — а
	о — о — о — о — о А
	о — о — о — о — а
2-ое четверостишіе:	о — о — о — о — о Б
	о — о — о — о — о Б
	о — о — о — о — б
	о — о — о — о — б
3-ье четверостишіе:	о — о — о — о — о В
	о — о — о — о — в
	о — о — о — о — в
	о — о — о — о — о В
Двустишіе.	о — о — о — о — г
	о — о — о — о — г

Это разнообразіе строфы оживило обыкновенный четырехстопный ямбъ, это разнообразіе въ строеніи стро-

фы сдѣлало то, что стихъ «Евгенія Онѣгина» не утомляетъ и не надоѣдаетъ, несмотря на видимое однообразіе размѣра — весь романъ написанъ четырехстопнымъ ямбом¹⁾, одинаковыми музыкально богато и разнообразно построенными строфами.

Каждая строфа распадается на три маленькія строфы и коду, заканчивающую строфу. Такимъ образомъ каждая строфа представляетъ собой нѣчто музыкально и, что естественно влечетъ за собою, логически законченное и самостоятельное цѣлое. Законченность, самостоятельность строфы, распадѣніе главы на цѣлый рядъ какъ бы самостоятельныхъ стихотвореній способствовало лирическимъ отступленіямъ и «пестротѣ» строфъ, ихъ разнообразію (что было бы гораздо затруднительнѣе, если бы поэтъ взялъ, допустимъ, форму терцины, музыкальное строеніе которой, цѣпь связанныхъ рѣимою трехстишіи, влечетъ за собою и логическую непрерывную цѣпь разсказа; рядъ одинаковыхъ четверостишіи также затруднилъ бы лирическія отступленія). Музыкальное разнообразіе внутри строфы (см. выше чередованіе мужскихъ и женскихъ рѣимъ) позволяло поэту разнообразить музы-

¹⁾ Нужно, впрочемъ, замѣтить, что въ «Евгеніи Онѣгинѣ» не столько соблюдается система четырехстопнаго ямба, сколько разрушается. Въ качествѣ образца приведемъ вторую строфу первой главы, которая имѣетъ такой рисунокъ (и у каждой строфы свой рисунокъ), не позволяющій ее читать такъ, какъ мы скандируемъ чистый ямбъ «Такъ думалъ молодой повѣса»):

```

о  —  о  |  о  о  —  |  о  —  о
о  —  |  о  —  |  о  о  о  —
о  —  о  |  —  о  о  |  о  —  о
о  —  о  |  —  о  о  |  о  —
о  —  |  о  —  о  |  о  о  —  о
о  —  о  |  о  о  —  |  о  —  о
о  о  о  —  о  |  о  о  —
о  —  о  |  о  о  —  о  |
о  —  о  |  —  о  |  о  —  о
о  —  о  |  о  о  —  |  о  —
о  —  о  о  |  о  —  о  |
о  о  о  —  о  |  о  о  —  о
о  —  о  о  |  о  —  |  о  —
о  —  о  |  —  о  |  о  о  —

```

кально-ритмическую и логическую рѣчь разсказа, давало ему возможность и среди строфы дѣлать переходы и повороты мысли; такіе повороты поэтъ дѣлаетъ въ разныхъ четверостишіяхъ, но чаще всего логическія точки (законченность мысли) находятся послѣ восьмого стиха, что вполне естественно, такъ какъ наиболѣе рѣзко строфа распадается на двѣ части (первыя два четверостишія съ чередованіями двухъ мужскихъ и двухъ женскихъ риѣмъ и шесть заключительныхъ стиховъ съ двумя женскими и четырьмя мужскими риѣмами). «Онѣгинская строфа» позволяла Пушкину «забалтываться до нельзя», и эта «болтовня» и лирически прекрасный образъ Татьяны¹⁾ явились причиною того,

¹⁾ Вполнѣ соглашаясь съ оцѣнкой С. Лифаря объективнаго образа Татьяны, мы считаемъ, что онъ недостаточно подчеркнулъ значеніе въ творчествѣ Пушкина лирическаго образа Татьяны — музы поэта: авторъ очерка «Герои «Евгенія Онѣгина» не обратилъ достаточнаго вниманія на первыя строфы восьмой главы, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своей Музѣ:

Вдругъ измѣнилось все кругомъ:
И вотъ она въ саду моемъ
Явилась барышней уѣздной,
Съ печальной думою въ очахъ,
Съ французской книжкой въ рукахъ.

С. Лифарь не затрагиваетъ и другого важнаго вопроса, касающагося героевъ «Евгенія Онѣгина» — ихъ житейскихъ прототиповъ. Вопросъ о прототипахъ вообще очень трудный и сложный — и тѣмъ болѣе важный, что онъ вводитъ въ творческую лабораторію поэта, вскрываетъ его творческій процессъ и говоритъ объ особенностяхъ творческихъ приѣмовъ. Выводы, которые мы можемъ сдѣлать на основаніи изученія прототиповъ «Евгенія Онѣгина», показательны не только для «Евгенія Онѣгина», но и для всего творчества Пушкина. Съ полной опредѣленностью можно говорить только о двухъ прототипахъ и — случайно ли это? — какъ разъ второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ — няни Татьяны, няни самого поэта, Арины Родионовны, и Зарѣцкаго — давняго врага Пушкина, «американца» Толстого. И даже въ этихъ двухъ портретахъ, какъ будто списанныхъ, по свидѣтельству самого автора, съ натуры, мы съ большимъ трудомъ узнаемъ ихъ оригиналы.

что «Евгеній Онѣгинъ» былъ любимымъ трудомъ Пушкина, вѣрнымъ спутникомъ большей половины его поэтической жизни-творчества, съ которымъ ему было трудно разставаться:

Прости жъ и ты, мой спутникъ странный,
И ты, мой вѣрный идеаль,
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый трудъ. Я съ вами зналъ
Все, что завидно для поэта....

налы: въ прекрасномъ образѣ няни не осталось индивидуальныхъ чертъ Арины Родіоновны, и она превратилась въ типическій образъ русской помѣщицѣй няни (сливающийся, между прочимъ, съ образомъ няни въ «Дубровскомъ»), а сатирическая переработка, обострившая рѣзкія черты Зарѣцкаго, сдѣлала его совершенно новымъ лицомъ, въ которомъ трудно узнать знаменитаго бретера 20-хъ годовъ прошлаго вѣка. Такова особенность творческаго процесса Пушкина, котораго творческое воображеніе уводитъ далеко отъ простаго копированія зоркимъ глазомъ наблюдаемой имъ жизни: и тогда, когда Пушкинъ пишетъ съ натуры, онъ не можетъ подрѣзать крылья своего вдохновенія и всегда не копируетъ, не списываетъ, а образуетъ.

А тѣ, съ которыхъ образованъ
Татьяны милый идеаль....

Въ этомъ двестишести послѣдней строфы послѣдней главы «Евгенія Онѣгина» (какъ оно читается въ чистой рукописи) мы подчеркиваемъ слово «образованъ» (говорящее о творческомъ созданіи поэтическихъ образовъ), а не слово «тѣ», какъ будто бы свидѣтельствующее (и въ извѣстной степени подкрѣпляющее мнѣніе С. Лифаря о двойственности и даже множественности образа Татьяны) о томъ, что создавая образъ Татьяны, Пушкинъ имѣлъ не одинъ, а нѣсколько прототиповъ. Такое утвержденіе было бы слишкомъ рискованнымъ, ибо въ этой же рукописи первоначально было написано иначе — и такъ Пушкинъ и печаталъ во всѣхъ изданияхъ:

А та, съ которой образованъ
Татьяны милый идеаль....

Можно гадать о томъ, въ какомъ чтеніи нужно видѣть признаніе и въ какомъ желаніи скрыть житейскую ос-

Разставаясь съ своимъ любимымъ трудомъ, поэтъ посвятилъ ему и стихотвореніе «Трудъ»:
Мигъ вождельнный насталь: оконченъ мой трудъ
многолѣтній.

Чтожь непонятная грусть тайно тревожить меня?

Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ
ненужный,

Плату пріившій свою, чуждый работъ другой;
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,

Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

Такъ писалъ Пушкинъ въ 1830 году, заканчивая девятую главу романа (и, очевидно, прервавъ тогда же начатую десятую), — о своемъ семилѣтнемъ трудѣ. Но

нову. Но что совершенно, абсолютно несмонѣнно, это то, что образъ любимой героини Пушкина ни съ кого не списанъ, а образованъ — и образованъ такъ творчески ново, что до сихъ поръ всѣ не многочисленныя, а безчисленныя попытки назвать ту, съ которой образованъ «Татьяны милый идеаль» (а кого только ни называли наши пушкинисты, пушкинианцы и пушкиновѣды!) терпѣли полнѣйшую неудачу; да и самая двойственность образа Татьяны обрекаетъ на неудачи и впредь подобнаго рода попытки съ явно негодными средствами (ибо онѣ зиждятся на заблужденіи — на той предпосылкѣ, что Пушкинъ съ кого-то списывалъ своихъ героевъ). И то же самое можно сказать объ Онѣгинѣ, Ленскомъ и Ольгѣ (любопытная вещь: даже едва набросанный и заимствованный изъ «Опаснаго сосѣда» В. Л. Пушкина Буяновъ мало похожъ на героя знаменитой поэмы-повѣсти дяди Пушкина!). Въ качествѣ прототиповъ Евгенія Онѣгина называли и Чаадаева, и Каверина, и самого Пушкина..... Но самое большее, что можно сказать объ Онѣгинѣ, это то, что онѣ той или другой чертой напоминаетъ того или другого знакомца и пріятеля Пушкина, но что и Онѣгинъ ни съ кого не списанъ. Назывались прототипы и для Ленскаго — и настойчивѣе всего фигурировало имя В. К. Кюхельбекера. Принявъ это мнѣніе (равно какъ и другія — о другихъ прототипахъ), мы придемъ къ тѣмъ же самымъ выводамъ (и это только и важно для разрѣшенія вопросовъ, касающихся психологіи творчества Пушкина), что и отвергнувъ его: такъ непохожъ В. К. Кюхельбекеръ на Ленскаго, что

«Евгению Онѣгину» суждено было занимать творческое воображеніе Пушкина не семь лѣтъ, а гораздо больше. Поторопившись въ 1830 году кончить романъ (о чемъ впоследствии онъ не могъ не жалѣть), поэтъ въ слѣдующемъ же, 1831 году снова обратился къ своему труду: исключивъ для печати восьмую главу (и сохранивъ ее только въ качествѣ «Отрывковъ изъ путешествія Онѣгина»), онъ принужденъ былъ передѣлать и девятую главу, ставшую теперь восьмой. Бодро-грустно распрощавшись со своимъ романомъ —

Блаженъ, кто праздникъ жизни рано
Оставилъ, не допивъ до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочелъ ея романа
И вдругъ умѣлъ разстаться съ нимъ,
Какъ я съ Онѣгинымъ моимъ, —

Пушкинъ скоро почувствовалъ незаконченность своего романа, своего любимаго и самаго большого труда и неоднократно дѣлалъ попытки его продолжать, то связывая его съ другими своими замыслами (такъ, имѣется рукопись «Родословной моего героя», въ которой поэтъ началъ замѣнять «Езерскихъ» — «Онѣгиными»), то — какъ это было въ 1835 году — начиная самостоятельное продолженіе романа, и наталкиваясь на непреодолимые трудности. 16 сентября 1835 года Пушкинъ написалъ слѣдующія двѣ вступительныя строфы къ продолженію «Евгенія Онѣгина» (такимъ образомъ съ «Евгениемъ Онѣгинымъ» связано четырнадцать лѣтъ жизни Пушкина, принимая во вниманіе,

если онъ даже и послужилъ натурой для созданія образа Ленскаго, то и послѣдній, какъ и Татьяна, какъ и Онѣгинъ, ни съ кого не списанъ. Кажется, можно не ставить вопроса о прототипѣ Ольги — рисуя этотъ образъ, Пушкинъ старательно стираетъ въ немъ всѣ индивидуальныя черты:

Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голосъ, легкій станъ,
Все въ Ольгѣ.... но любой романъ
Возьмите, и найдете вѣрно
Ея портретъ: онъ очень милъ;
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно.....

что въ первой главѣ есть строфа, написанная еще весною 1822 года):

Въ мои осенніе досуги,
Въ тѣ дни, какъ любо мнѣ писать,
Вы мнѣ совѣтуете, други,
Разсказъ забытый продолжать.
Вы говорите справедливо,
Что странно, даже неучтиво
Романъ не кончивъ перервать,
Отдавъ его уже въ печать;
Что должно своего Героя
Какъ бы то ни было женить,
По крайней мѣрѣ, уморить, —
И лица прочія пристроя,
Отдавъ имъ дружескій поклонъ,
Изъ лабиринта выслать вонъ.

**

Вы говорите: слава Богу,
Покамѣстъ твой Онѣгинъ живъ,
Романъ не конченъ, понемногу
Пиши жъ его: не будь лѣнивъ.
Со славы, внявъ ея призванью,
Сбирай оброкъ хвалой и бранью;
Рисуй и франтовъ городскихъ,
И милыхъ барышенъ своихъ,
Войну и балъ, дворецъ и хату,
Чердакъ и келью и гаремъ, —
И съ нашей публики межъ тѣмъ
Бери умѣренную плату:
За книжку по пяти рублей —
Налогъ не тягостный, ей-ей.

И въ 1835 году Пушкинъ предполагалъ писать такія же «пестрыя строфы» самаго разнообразнаго содержанія, — и въ этихъ строфахъ отчетливо видно, что Пушкинъ сознавалъ, что его романъ не конченъ, а прерванъ. Казалось бы, разъ Онѣгинъ остался живъ въ послѣдней главѣ, легко было бы и продолжать романъ о немъ (въ томъ, что касается до Татьяны, то ея романъ настолько законченъ, ея рѣшеніе такое категорическое, ея слова — «Я буду вѣкъ ему вѣрна» — звучатъ такъ финально, что послѣ нихъ «она ушла» изъ романа навсегда и вернуть ее въ романъ больше уже невозможно). Но помимо того, что изъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ «Евгенія

Онѣгина» въ романѣ оставался одинъ Евгений Онѣгинъ (а окружать его новыми дѣйствующими лицами значило бы писать новый романъ о томъ же героѣ), перерывы въ седьмой и восьмой главахъ не могли быть восполнены безъ нарушенія хронологическаго плана и хронологическаго единства. Какъ бы то ни было, несмотря на свое желаніе и попытки продолжать романъ, Пушкинъ не могъ этого сдѣлать, и «Евгеній Онѣгинъ» остался въ сущности неоконченнымъ произведеніемъ.

Рукописи Пушкина обнаруживаютъ громадную, хотя и не непрерывную работу поэта надъ романомъ, — Пушкинъ писалъ свой романъ полосами, «онѣгинскими» періодами (но не въ разбивку, какъ это раньше думали на основаніи свидѣтельства П. В. Анненкова, плохо разобравшагося въ черновикахъ «Евгенія Онѣгина»). Однѣ главы, однѣ строфы давались поэту легко, надъ созданіемъ другихъ ему приходилось много работать; работа не прекращалась и послѣ переписки главы въ чистовую тетрадь: и послѣ этого поэтъ не переставалъ измѣнять однѣ, вычеркивать другія и писать третьи строфы.

Первая мысль лирическаго романа относится, какъ мы уже говорили выше, къ 16 апрѣля 1822 года, когда Пушкинъ написалъ вчернѣ строфу, включенную въ 1824 году, уже по окончаніи первой главы, въ «Евгенія Онѣгина» (XXXII строфа первой главы), но этотъ романъ еще не былъ замысломъ «Евгенія Онѣгина», задуманнаго только 9 мая 1823 года. Первые строфы первой главы были начаты въ Кишиневѣ ночью 28 мая. Вскорѣ, въ связи съ переѣздомъ въ Одессу, поэтъ прервалъ первую главу до осени 1823 года. 22 октября этого года въ Одессѣ первая глава была окончена, и, повидимому, на слѣдующій же день была начата вторая глава. Осень 1823 года была благотворная для «Евгенія Онѣгина», — Пушкинъ, какъ онъ говорилъ, писалъ съ упоеніемъ и «захлебывался желчью»: въ это время были созданы главнѣйшія композиціонныя установки романа (въ то время еще сатирическаго), предопредѣлившія дальнѣйшее развитіе «Евгенія Онѣгина» («даль романа» уже начала «проясняться», хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ такъ, какъ потомъ «прояснилась»). Въ частности, вторая глава писалась особенно скоро: къ 3 ноября было готово уже больше 15 строфъ, а 8 декабря ночью была написана и послѣдняя строфа второй главы. Скорость въ писаніи второй главы, упоеніе имѣли

то дѣйствіе, что Пушкинъ въ ней «забалтывался до нельзя» и, при холодной провѣркѣ аналитическаго ума, многія строфы нашель лишними и исключилъ ихъ изъ романа, сокративъ почти на одну третью главу.

Третью главу Пушкинъ началъ только въ слѣдующемъ году — ночью 8 февраля 1824 года — и къ веснѣ этого года написалъ половину главы (до письма Татьяны). Начавшіяся вскорѣ послѣ этого непріятности съ графомъ Воронцовымъ разстраивали поэта и отрывали его отъ поэтическаго творчества. Только въ августѣ 1824 года, пріѣхавъ въ Михайловское, Пушкинъ вновь обратился къ «Евгенію Онѣгину» и ко 2 октября окончилъ третью главу: романъ начиналъ пріобрѣтать иной характеръ — сатира уступила мѣсто чистой лирикѣ (очевидно, большую роль въ этомъ сыграло письмо Татьяны). Вскорѣ по окончаніи третьей главы Пушкинъ началъ четвертую главу и къ 1 января 1825 года написалъ половину главы, кончая XXIII строфой («Что было слѣдствіемъ свиданья?»): такимъ образомъ за первые полтора года было написано немногимъ меньше половины всего романа. Въ то время, какъ первыя три главы (особенно, вторая) были написаны легко и просто, скоро и почти безъ переработокъ и передѣлокъ, созданіе четвертой главы отличалось большой сложностью. Въ первой половинѣ сентября 1825 года Пушкинъ писалъ П. А. Катенину: «4 пѣсни Онѣгина готовы и еще множество отрывковъ; но мнѣ не до нихъ» (подъ «множествомъ отрывковъ» слѣдуетъ разумѣть строфы объ Одессѣ, вошедшія въ первоначальную восьмую главу, напечатанную впоследствии въ «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина»): въ 1825 году Пушкинъ былъ слишкомъ поглощенъ работой надъ «Борисомъ Годуновымъ» (и задумывалъ и другія произведенія), и переломная глава «Евгенія Онѣгина» явно не клеилась. И хотя, повидимому, къ началу сентября 1825 года Пушкинъ дѣйствительно уже окончилъ вчернѣ четвертую главу, но не переставалъ работать надъ нею и вскорѣ принялся за основательную передѣлку, которую и закончилъ 3 января 1826 года. Передѣлка коснулась и начала главы, первоначально открывавшейся непосредственно исповѣдью Онѣгина, въ уста котораго Пушкинъ вкладывалъ то, что впоследствии выдѣлилъ въ лирическое вступленіе къ главѣ; много работалъ поэтъ и надъ серединой главы, которая была собственно заново написана, при чемъ Пушкинъ вста-

вилъ повѣствованіе объ Ольгѣ и Ленскомъ (послѣ разсказа о печальныхъ слѣдствіяхъ свиданья Татьяны съ Онѣгинымъ) вмѣсто повѣствованія объ отъѣздѣ Лариныхъ въ Москву (что вошло впослѣдствіи въ седьмую главу).

3 января 1826 года — въ новомъ видѣ — четвертая глава была вполнѣ закончена, и на другой же день — 4 января — поэтъ приступилъ къ пятой главѣ. Созданіе пятой главы представляло полную противоположность четвертой: въ то время, какъ четвертая глава подвергалась постояннымъ кореннымъ измѣненіямъ, пятая глава почти вовсе не испытывала колебаній (едва ли не единственное колебаніе — въ томъ, что первоначально Татьяна падала въ обморокъ, увидѣвъ за столомъ противъ себя Онѣгина), не имѣла «лишнихъ» строфъ и сразу вылилась въ готовомъ видѣ. Пятая глава была написана въ нѣсколько приѣмовъ (собственно, если не ошибаемся, въ два періода), при чемъ поэтъ писалъ порою въ одно утро большое количество строфъ.

Не многое знаемъ мы о созданіи шестой главы, т.-к. отъ нея дошли до насъ черновики только трехъ строфъ. Изъ того, что она была окончена въ Михайловскомъ 10 августа 1826 года, приходится признать, что шестая глава создавалась и легко, и скоро.

Иначе обстояло дѣло съ седьмой главой, планъ которой неоднократно мѣнялся (въ седьмой главѣ предполагалось путешествіе Онѣгина и его альбомъ; Москва и Одесса — вотъ двѣ главныя составныя части первоначальной седьмой главы). Седьмая глава была начата въ Москвѣ 18 марта 1827 года (т. е. послѣ семимѣсячнаго перерыва — въ это время Пушкинъ вообще мало писалъ), и тогда, весною 1827 года, въ Петербургѣ и въ Москвѣ, поэтъ написалъ строфы, посвященныя описанію Москвы (понятно, что «московскія» строфы, написанныя подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ вѣзда въ Москву и жизни въ московскомъ обществѣ, имѣютъ опредѣленно выраженный автобіографическій характеръ; въ черновикахъ путешествія есть и горькіе стихи о томъ, какъ закончилась жизнь поэта въ Москвѣ, такъ радостно и радушно принявшей его:

Его шпіономъ именуеть,
Слагаетъ въ честь его стихи
И производитъ въ женихи.)

Вскорѣ Пушкинъ оторвался отъ «Евгенія Онѣгина» и вернулся къ седьмой главѣ въ самомъ началѣ 1828 года (или, что менѣе вѣроятно, въ самомъ концѣ 1827 года), обратившись на этотъ разъ къ созданію седьмой главы съ первой строфы. Къ 19 февраля 1828 года были написаны первыя 12 строфъ, а 5 апрѣля поэтъ уже писалъ альбомъ Онѣгина. Такимъ образомъ весною 1828 года было готово ядро седьмой главы — и начало, и московскія строфы. Въ ночь на 20 октября 1828 года Пушкинъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Малинники (тверское имѣніе Вульфовъ) и взялъ съ собою седьмую главу, а 4 ноября уже окончилъ работу надъ седьмой главой, написавъ новыя, недостававшія строфы и связавъ прежде написанныя.

Повидимому, прошелъ годъ, въ который Пушкинъ не касался своего романа. Первоначальную восьмую главу поэтъ началъ осенью 1829 года, но еще раньше — лѣтомъ 1825 года — онъ написалъ строфы, посвященныя описанію Одессы. Къ 30 октября было готово уже все начало главы до строфы: «Онъ видитъ Терекъ своенравный», въ октябрѣ и ноябрѣ Пушкинъ продолжалъ писать главу и въ декабрѣ вполнѣ закончилъ ее (осенью 1830 года поэтъ, повидимому, только приводилъ въ порядокъ написанную въ разное время главу и написалъ одну строфу — «И берегъ Сороти отлогій»).

Послѣдняя, въ то время девятая глава была начата 24 декабря 1829 года и создавалась въ теченіе зимы и весны 1830 года. Осенью Пушкинъ привезъ ее въ Болдино почти въ готовомъ видѣ и тамъ ее заканчивалъ и отдѣлывалъ. 25 сентября 1830 года поэтъ написалъ послѣднюю строфу — романъ въ первоначальной редакціи былъ оконченъ. Вскорѣ послѣ этого, въ Болдинѣ же, въ октябрѣ 1830 года, Пушкинъ началъ и десятую главу, въ которой Онѣгинъ долженъ былъ столкнуться съ декабристами, но на XVII-ой строфѣ прервалъ свою работу — очевидно, потому, что не могъ надѣяться на возможность напечатанія ея (да и хранить въ рукописи ее было не безопасно), — и сжегъ начало главы, записавъ его особымъ шифромъ.

Въ 1831 году Пушкинъ уничтожилъ восьмую главу, черезъ что девятая глава стала восьмой и вслѣдствіе этого потребовала нѣкоторой переработки. Къ этой переработкѣ Пушкинъ и обратился лѣтомъ 1831 года (въ іюль-августѣ), когда онъ жилъ въ Царскомъ Селѣ: по-

этѣ не ограничился необходимой переработкой, вызванной исключеніемъ главы съ путешествіемъ Евгенія Онѣгина (написаніемъ XIII-ой строфы — пересказомъ исключеннаго путешествія Онѣгина и вставкой нѣсколькихъ строфъ изъ путешествія) и очень существенно измѣнилъ первоначальную редакцію главы, ставшей теперь восьмой (переработка коснулась и начала — первыхъ четырехъ строфъ, и середины — кореннымъ образомъ была переработана картина петербургскаго высшаго свѣта и написано письмо Онѣгина къ Татьянѣ, — и послѣднихъ строфъ). Письмо Онѣгина къ Татьянѣ было написано 5 октября 1831 года — 5 октября 1831 послѣдняя извѣстная намъ дата въ созданіи «Евгенія Онѣгина».

Прежде, чѣмъ обратиться къ самой работѣ Пушкина надъ «Евгеніемъ Онѣгинымъ», необходимо сказать нѣсколько словъ о пропущенныхъ строфахъ, о систематическомъ искаженіи въ теченіе цѣлаго ряда десятилѣтій текста любимѣйшаго произведенія Пушкина. Пушкинъ писалъ: «Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ къ порицанію. Что есть строфы въ «Евгеніи Онѣгинѣ», которыхъ я не могъ или не хотѣлъ напечатать — этому дивиться нечего. Но будучи выпущены, онѣ прерываютъ связь разсказа, и поэтому означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало. Лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненныя. Но, виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ. Смиренно сознаюсъ также, что въ «Д. Жуанѣ» есть II выпущенныя строфы». Эти слова Пушкина были поняты очень упрощенно — въ томъ смыслѣ, что Пушкинъ «не могъ» по цензурнымъ соображеніямъ и «не хотѣлъ» по временнымъ, личнымъ, интимнымъ причинамъ печатать нѣкоторыя строфы, и потому довоенные издатели «Евгенія Онѣгина» во всѣхъ случаяхъ, когда могли (и когда не могли — нѣкоторыя строфы печатались въ фантастически безграмотномъ видѣ) вставляли выпущенныя поэтомъ строфы «на свои мѣста». Отъ этой операціи надъ художественной волей Пушкина происходили не только большія текстовыя ошибки, но, что гораздо важнѣе, искажалась художественная композиція романа, ибо, какъ это обнаруживаетъ изслѣдованіе пропущенныхъ строфъ, исключеніе Пушкинымъ строфъ съ обозначеніемъ цифрами мѣста, «гдѣ быть имъ надлежало», является чисто композиціоннымъ приѣмомъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ какой бы то ни было цензурѣ.

Въ приведенной замѣткѣ Пушкинъ говоритъ о пропущенныхъ строфахъ, которыя имѣютъ въ романѣ цифру, означающую «мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало», но ничего не говоритъ о тѣхъ (гораздо болѣе многочисленныхъ) строфахъ, которыя безслѣдно исчезли изъ романа, не оставивъ по себѣ никакой памяти въ видѣ римской цифры и многоточія (эти строфы, въ качествѣ черновыхъ, печатались обыкновенно среди примѣчаній, дополненій и проч.). Какова природа этихъ двухъ родовъ пропущенныхъ строфъ? Априорное предположеніе о большей художественной завершенности и отдѣланности перваго рода строфъ, о ихъ большей цѣнности по сравненію съ пропущенными строфами втораго рода разбивается тотчасъ же при обращеніи къ рукописямъ Пушкина: какъ можно говорить о большей отдѣланности, когда нѣкоторыя пропущенныя строфы (какъ напр., XXXIX, XL и XLI-ая первой главы), никогда и не были написаны?! Очевидно, что отличіе ихъ заключается не въ этомъ, а совсѣмъ въ другомъ. Пушкинъ означалъ мѣсто пропущенной строфы даже въ тѣхъ случаяхъ (очень рѣдкихъ), когда строфы и вовсе не были написаны, но, по его мнѣнію, между строфами образовывался перерывъ, ходъ романа какъ будто требовалъ промежуточной строфы. Поэтъ ставилъ цифру пропущенной строфы и въ тѣхъ случаяхъ, когда строфа была только набросана, но осталась незаконченной и неотдѣланной (возможно, что поэтъ могъ надѣяться впоследствии закончить ее и тогда вставить на свое мѣсто), между тѣмъ какъ безъ нея въ романѣ получались нѣкоторыя неясности или перерывъ. Такъ, Пушкинъ только набросалъ XIII и XIV строфы первой главы (при чемъ въ XIII-ой строфѣ даже только начало), а потому и въ чистовой рукописи, и въ печатной редакціи романа строфы эти отсутствуютъ, и вмѣсто нихъ поставлены цифры — XIII. XIV. Цифра замѣняла строфу и въ тѣхъ случаяхъ, когда строфа, необходимая (или желательная) для хода романа, была вполнѣ закончена, но или 1) все же не удовлетворяла взыскательнаго художника своею формою и требовала исправленія, или 2) выражала мысль, содержала описаніе, которое Пушкинъ считалъ неподходящимъ. Рукописи Пушкина говорятъ и о такихъ, наиболѣе сложныхъ случаяхъ, когда поэтъ замѣнялъ цифрой строфу вполнѣ отдѣланную, которою онъ былъ настолько удовлетворенъ, что даже печаталъ ее, но отдѣльно отъ

романа. Такъ, напр., Пушкинъ напечаталъ первыя четыре строфы четвертой главы въ «Московскомъ Вѣстникѣ», при изданіи же романа замѣнилъ эти четыре строфы цифрами. Чѣмъ объясняется пропускъ такихъ, вполне законченныхъ и отдѣланныхъ строфъ? — Очевидно, Пушкинъ не считалъ ихъ лишними для романа, такъ какъ сохранилъ память о нихъ цифрами (а, по объясненію Пушкина, цифрами обозначаются тѣ строфы, которыя, «будучи выпущены, прерываютъ связь разсказа»). Почему же поэтъ тѣмъ не менѣе исключилъ эти строфы? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ рукописи «Евгенія Онѣгина»: первоначально четвертая глава начиналась съ того момента, на которомъ обрывался ходъ романа въ третьей главѣ, — на встрѣчѣ Татьяны съ Онѣгинымъ въ саду и на слѣдствіяхъ этой «нежданной встрѣчи». Четвертая глава непосредственно примыкала къ третьей главѣ, и первая строфа четвертой главы начиналась словами: «Минуты двѣ они молчали, но къ ней Онѣгинъ подошелъ и молвилъ» и т. д.; дальше слѣдовала проповѣдь-исповѣдь, въ которой Онѣгинъ говорилъ о своей жизни, о томъ, какъ «въ началѣ жизни имъ «правиль прелестный, хитрый, слабый полъ», какъ онъ былъ «жертвой долгихъ заблужденій», какъ онъ разочаровался въ своихъ увлеченіяхъ, въ убиваніи жизни, какъ разгадалъ немудрую загадку милыхъ дамъ. Этотъ планъ подвергся значительнымъ измѣненіямъ, и Пушкинъ выдѣлилъ большую часть исповѣди Онѣгина, перенесъ ее въ начало главы и приурочивъ ее къ себѣ. Исповѣдь Онѣгина отъ такого измѣненія плана можетъ быть выиграла въ психологической правдѣ, но связь начальныхъ строфъ (изъ которыхъ двѣ при этомъ остались неотдѣланными) оказалась мало понятной: Пушкинъ началъ главу стихами —

Въ началѣ жизни мною правилъ

Прелестный, хитрый, слабый полъ

а послѣ этого продолжалъ (въ IX-ой строфѣ):

Такъ точно думалъ мой Евгеній...

Какъ Пушкинъ могъ поступить для устраненія этой неясности? — Говоря словами поэта, «лучше было бы замѣнять эти строфы другими, или переправлять и сплавливать мною сохраненныя», «но, говорить поэтъ, виноватъ, на это я слишкомъ лѣнивъ» (тѣмъ не менѣе Пушкинъ часто занимался «переправленіемъ и сплав-

леніемъ»), и Пушкинъ предпочелъ вмѣсто начальныхъ строфъ (не только содержащихъ лирическое отступление, но и дающихъ освѣщеніе жизни Онѣгина до встрѣчи съ Татьяной и его отношенію къ письму Татьяны) поставить цифры I. II. III. IV. V. VI. Возстановлять эти пропущенныя строфы — не значитъ ли создавать въ читателѣ то впечатлѣніе, котораго Пушкинъ сознательно старался избѣжать?

Пушкинъ объясняетъ пропускъ строфъ съ сохраненіемъ цифры; объясненіе его даетъ руководящую нить и для выясненія причинъ пропуска строфъ, безслѣдно исчезнувшихъ изъ романа. Слова Пушкина о строфахъ, которыя «будучи выпущены, прерываютъ связь разсказа», почему и «означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало», даютъ возможность сдѣлать и обратное заключеніе: не «означается мѣсто, гдѣ быть имъ надлежало» тѣхъ строфъ, которыя, «будучи выпущены», не «прерываютъ связь разсказа.» Иначе говоря, Пушкинъ, выпуская строфы, ставилъ римскую цифру въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его мнѣнію, образовывался извѣстный пропускъ въ ходѣ разсказа; въ тѣхъ же случаяхъ, когда строфа являлась лишней для хода разсказа или даже противорѣчила ему, поэтъ исключалъ ее, не оставляя о ней никакого слѣда въ романѣ. Пропущенныхъ строфъ такого рода большое количество, и это понятно, такъ какъ съ тѣхъ поръ, какъ Пушкинъ началъ «Евгенія Онѣгина» и до окончанія его, «промчалось много, много дней»: приступая къ своему «многолѣтнему труду», Пушкинъ «сквозь магическій кристалль еще не ясно различалъ» «даль свободнаго романа» и часто въ процессѣ повѣствованія мѣнялъ его ходъ. Такія пропущенныя строфы даютъ возможность слѣдить за ростомъ и измѣненіями романа, за процессомъ творчества, за тѣмъ, какъ разъяснялась для поэта «даль свободнаго романа»; пропущенныя строфы говорятъ о громадномъ трудѣ поэта, о колебаніяхъ его въ томъ или иномъ веденіи романа, о смѣнѣ поэтическихъ замысловъ; пропущенныя строфы даютъ, наконецъ, обширный и самый надежный комментарий къ пониманію текста романа.

Въ виду различнаго характера и различнаго значенія двухъ родовъ пропущенныхъ строфъ, мы отдѣльно приводимъ ихъ, начавъ съ пропущенныхъ строфъ съ обозначеніемъ цифрой ихъ мѣста въ романѣ и присо-

единивъ пропущенныя строфы другого рода къ творческому матеріалу «Евгенія Онѣгина».

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Строфа IX:

Нась пылъ сердечный рано мучить.
Очаровательный обманъ,
Любви насъ не природа учить
А Сталь или Шатобрианъ.
Мы алчемъ жизнь узнать заранѣ,
Мы узнаемъ ее въ романѣ
Мы все узнали между тѣмъ
Не насладились мы ни чемъ —
Природы гласъ предупреждая
Мы только щастію вредимъ
И поздно, поздно вслѣдъ за нимъ
Летить горячность молодая.
Онѣгинъ это испыталъ
За то какъ женщинъ онъ узналъ.

Строфы XIII-XIV (тринадцатая строфа была только вчернѣ набросана Пушкинымъ):

Какъ онъ умѣлъ вдовы смиренной
Привлечь благочестивый взоръ
И съ нею скромный и смятенный
Начать краснѣя (заговоръ)
Плѣнять (неопытностью мнимой)
И вѣрностью — — — —
(Любви) которой (въ мірѣ) нѣтъ
И пылкостью невинныхъ лѣтъ
Какъ онъ умѣлъ съ любою дамой
(Судить) (въ любви) — — —
О платонизмѣ разсуждать
И вдругъ неожиданной эпиграммой
Ее смутить и наконецъ
Сорвать торжественный (?) вѣнецъ

Такъ рѣзвый баловень служанки
Анбара стражъ, усатый котъ
За мышью крадется съ лежанки
Протянется идетъ, идетъ
Полужажмурясь, (отдыхаетъ)
Свернется въ комъ, хвостомъ играетъ
Готовить когти хитрыхъ лапъ —

И вдругъ бѣдняжку цапъ-царапъ¹⁾
Такъ хищный волкъ томясь отъ глада
Выходитъ изъ глуши лѣсовъ
И рыщетъ близъ безпечныхъ псовъ
Вокругъ неопытнаго стада
Все спитъ и вдругъ свирѣпый воръ
Ягненка мчитъ въ дремучій боръ.

Строфы XXXIX, XL и XLI не были не только написаны, но даже набросаны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строфа VIII (заключительные шесть стиховъ):

Что есть избранные судьбами
Что жизнь ихъ — лучший неба даръ —
И мыслей неподкупный жаръ
И Геній власти надъ умами
Добру людей посвящены,
И славѣ доблестью равны.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Строфа III (заключительные шесть стиховъ):

(Въ деревнѣ день есть цѣль) обѣда
Поджавши руки у дверей
Сбѣжались дѣвушки скорѣй
Взглянуть на новаго сосѣда
А на дворѣ толпа людей
Критиковала ихъ коней

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА.

Строфы I. II. III. IV.:

I.

Въ началѣ жизни мною правилъ
Прелестный, хитрый, слабый полъ;

¹⁾ Эти восемь стиховъ, въ слегка измѣненномъ видѣ, вошли въ «Графа Нулина» — какъ послѣ этого они могли бы быть восстановлены въ текстѣ «Евгенія Онегина»!

Тогда въ законъ себѣ я ставилъ
Его единый произволь.
Душа лишь только разгаралась,
И сердцу женщина являлась
Какимъ-то чистымъ божествомъ.
Владѣя чувствами, умою,
Она сіяла совершенствомъ.
Предъ ней я таялъ въ тишинѣ:
Ея любовь казалась мнѣ
Недосягаемымъ блаженствомъ.
Жить, умереть у милыхъ ногъ —
Иного я желать не могъ.

II.

То вдругъ ее я ненавидѣлъ,
И трепеталъ и слезы лилъ,
Съ тоской и ужасомъ въ ней видѣлъ
Созданье злобныхъ, тайныхъ силъ,
Ея пронзительные взоры,
Улыбка, голосъ, разговоры —
Все было въ ней отравлено,
Измѣной злой напоено,
Все въ ней алкало слезъ и стона,
Питалось кровію моею...
То вдругъ я мраморъ видѣлъ въ ней
Передъ мольбой Пигмаліона,
Еще холодный и нѣмой,
Но вскорѣ жаркій и живой.

III.

Словами вѣщаго поэта
Сказать и мнѣ позволено:
Темира, Дафна и Лилета
Какъ сонъ, забыты мной давно.¹
Но есть одна... межъ ихъ толпою
Я долго былъ плѣненъ одною —

¹) Пушкинъ перефразируетъ лицейскую оду барона А. А. Дельвига:

Темира, Дафна и Лилета
Давно, какъ сонъ, забыты мной,
И ихъ для памяти поэта
Хранить лишь стихъ удачный мой.

Но былъ-ли я любимъ, и къмъ,
И гдѣ, и долго-ли?... зачѣмъ
Вамъ это знать? не въ этомъ дѣло!
Что было, то прошло, то вздоръ.
А дѣло въ томъ, что съ этихъ поръ
Во мнѣ ужъ сердце охладѣло,
Закрылось для любви оно,
И все въ немъ пусто и темно.

IV.

Дознался я, что дамы сами,
Душевной тайнѣ измѣня,
Не могутъ надивиться нами,
Себя по совѣсти цѣня.
Восторги наши своенравны
Имъ очень кажутся забавны;
И право, съ нашей стороны
Мы непростительно смѣшны.
Закабалаясь неосторожно
Мы ихъ любви въ награду ждемъ,
Любовь въ безуміи зовемъ,
Какъ будто требовать возможно
Отъ мотыльковъ иль отъ лилей
И чувствъ глубокихъ и страстей!

Строфы V-VI (только вчернѣ набросаны):

Признаться-ль вамъ — я наслажденье
Въ то время лишь и разумѣлъ —
Мнѣ было мило ослѣпленье
Объ немъ я нынѣ пожалѣлъ —
Но я заманчивой загадкой
Не долго мучился украдкой...
И какъ же помогли онѣ —
Шепнули сами слово мнѣ
Давно извѣстное по свѣту —
И даже никому давно
Ужъ не казалось (и) смѣшно
(Я разгадалъ загадку эту)
Сказалъ я: только то друзья
Куда какъ недогадливъ я!

Страстей мятежныя заботы
Прошли, не возвратятся вновь!
Души безчувственной дремоты

Не возмутить уже любовь
Пустыя красоты порока
Блестять и нравятся до срока
Пора проступки юныхъ дней
Загладить жизнью моею!
Молва играя очернила
Мои начальныя лѣта
Ей подмогала клевета
И дружбу только что смѣшила
Но къ счастью судь [молвы] слѣпой
Опровергается порой!...

Строфа XXXVI (входила еще въ первое издание — 1828 года):

Ужъ ихъ далече взоръ мой ищетъ...
А лѣсомъ кравшійся стрѣлокъ
Поэзію клянеть и свищетъ,
Спуская бережно куроць.
У всякаго своя охота,
Своя любимая забота:
Кто цѣлитъ въ утокъ изъ ружья,
Кто бредитъ рѣями, какъ я,
Кто бьетъ хлопущей мухъ нахальныхъ,
Кто правитъ въ замыслахъ толпой,
Кто забавляется войной,
Кто въ чувствахъ нѣжится печальныхъ,
Кто занимается виномъ:
И благо смѣшано со зломъ.

Строфа XXXVII (заключительное двестише):

И одѣвался — только врьдъ
Вы носите ль такой нарядъ

Строфа XXXVIII:

Носилъ онъ русскую рубашку
Платокъ шелковый кушакомъ
Армякъ татарской на распашку
И шляпу съ кровлею какъ домъ
Подвижный — Симъ уборомъ чуднымъ
Безнравственнымъ и
безразсуднымъ
Была весьма огорчена
Псковская дама Дурина
А съ ней Мизинчиковъ — Евгений
Быть можетъ толки презираль

А вѣроятно ихъ не зналъ
Но все жь своихъ обыкновеній
Не измѣнялъ въ угоду имъ
За что былъ ближнимъ нетерпимъ.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Строфы XXXVII и XXXVIII (были напечатаны въ первомъ изданіи — 1828 года):

XXXVII.

Въ пирахъ готовъ я непослушно
Съ твоимъ бороться божествомъ;
Но, признаюсь великодушно,
Ты побѣдилъ меня въ другомъ:
Твои свирѣпые герои,
Твои неправильные бои,
Твоя Киприда, твой Зевесъ
Большой имѣютъ перевѣсъ
Передъ Онѣгинымъ холоднымъ,
Передъ — — —¹⁾ моею,
Предъ сонной скукою полей,
Предъ нашимъ воспитаньемъ моднымъ;
Но Таня (присягну) милѣй
Елены пакостной твоей.

XXXVIII.

Никто и спорить тутъ не станетъ,
Хоть за Елену Менелай
Сто лѣтъ еще не перестанетъ
Казнить Фригійскій бѣдный край,
Хоть вокругъ почтеннаго Пріама
Собранье стариковъ Пергама,
Ее завидя, вновь рѣшить:
Правъ Менелай, и правъ Паридъ.
Что жь до сраженій, то немного
Я попрошу васъ подождать:
Извольте далѣе читать:
Начала не судите строго;
Сраженье будетъ. Не солгу,
Честное слово дать могу.

¹⁾ Т. е. Истоминой.

Строфа XLIII (въ первомъ изданіи она печаталась, но безъ первыхъ четырехъ стиховъ):

Какъ гонить бичь въ песку манежномъ
По кордѣ рѣзвыхъ кобылицъ
Мушины въ округѣ мятежномъ
Погнали, дернули дѣвиць —
Подковы, шпоры Пѣтушкова
(Канцеляриста отставнаго)
Стучать; Буянова каблукъ
Такъ и ломаетъ полъ вокругъ;
Трескъ, топотъ, грохотъ по порядку:
Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ;
Теперь пошло на молодцовъ;
Пустились, только не въ присядку.
Ахъ, легче, легче: каблуки
Отдавать дамскіе носки!

ШЕСТАЯ ГЛАВА.¹⁾

Строфы XV и XVI:

Да, да, вѣдь ревности припадки —
Болѣзнь, такъ точно какъ чума,
Какъ черный сплинь, какъ лихорадка,
Какъ поврежденіе ума.
Она горячкой пламенѣтъ,
Она свой жаръ, свой бредъ имѣтъ,
Сны злые, призраки свои.
Помилуй Богъ, друзья мои!
Мучительнѣй нѣтъ въ мірѣ казни
Ея терзаній роковыхъ.
Повѣрьте мнѣ: кто вынесъ ихъ,
Тотъ ужъ конечно безъ боязни
Взойдетъ на пламенный костеръ,
Иль шею склонить подъ топоръ.

Я не хочу пустой укорой
Могилы возмущать покой;
Тебя ужъ нѣтъ, о ты, которой

¹⁾ Рукописи шестой главы не сохранились; мы приводимъ пропущенныя строфы по списку князя В. Ѳ. Одоевскаго, сообщенному Я. К. Гротомъ, и не можемъ быть увѣрены въ его точности (м. п., въ XXXVIII-ой строфѣ недостаетъ заключительнаго двустишія).

Я въ буряхъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ
И рая мигомъ сладострастнымъ.
Какъ учать слабое дитя,
Ты душу нѣжную, мутя,
Учила горести глубокой.
Ты нѣгой волновала кровь,
Ты воспаляла въ ней любовь
И пламя ревности жестокой;
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день:
Почій, мучительная тѣнь.

Строфа XXXVIII:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сдѣлавъ многого добра,
Увы, онъ могъ безсмертной славой
Газетъ наполнить нумера.
Уча людей, мороча братій,
При громѣ плесковъ иль проклятій,
Онъ совершить могъ грозный путь,
Дабы въ послѣдній разъдохнуть
Въ виду торжественныхъ трофеевъ
Какъ нашъ Кутузовъ иль Нельсонъ,
Иль въ ссылкѣ, какъ Наполеонъ,
Иль быть повѣшенъ, какъ Рылѣевъ.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Строфа VIII:

(Но) разъ вечернею порою
Одна изъ дѣвъ сюда пришла
Казалось — тайною тоскою
Она встревожена была —
Какъ бы волнуемая страхомъ
Она въ слезахъ предъ милымъ прахомъ
Стояла, голову склонивъ
И руки съ трепетомъ сложивъ
Но тутъ послѣшными шагами
Ее настигъ молодой Уланъ
Затянуть, степенъ и румянъ
Красуясь черными усами
Нагнувъ широкія плеча
И гордо шпорами звуча.

Строфа IX:

Она на война взглянула
Горѣль досадою взоръ его
И поблѣднѣвъ [она] вздохнула
Но не сказала ничего —
И молча Ленскаго невѣста
Отъ сиротѣющаго мѣста
Съ нимъ удалилась — и съ тѣхъ поръ
Ужъ не являлась изъ за горъ
Такъ равнодушное забвенье
За гробомъ настагаетъ насъ
Враговъ, друзей, любовницъ гласъ
Умолкнетъ — про одно имѣнье
Наслѣдниковъ сердитый хоръ
Заводитъ непристойный споръ.¹⁾

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Строфа II (съ пятого стиха):

И Дмитревъ не былъ нашъ хулитель
И быта Русскаго хранитель
Скрижаль оставя, намъ внималъ
И Музу робкую ласкалъ —
И ты, глубоко вдохновенный,
Всего прекраснаго пѣвецъ,
Ты, Идолъ дѣвственныхъ сердець,
Не ты ль, пристрастьемъ увлеченный
Не ты ль мнѣ руку подавалъ
И къ Славѣ чистой призывалъ

Строфа XXV (последніе 6 стиховъ — въ первоначальной редакціи строфы):

Тутъ былъ одинъ диктаторъ бальной
Прыгунъ суровый должностной;

¹⁾ Заключительные шесть стиховъ Пушкинъ перенесъ въ XI-ую строфу, которая первоначально оканчивалась иначе, чѣмъ въ печатной редакціи:

По крайней мѣрѣ изъ могилы
Не вышла въ сей печальный день
Его ревнующая тѣнь
И въ поздній часъ — Гимену милый
Не испугали молодыхъ
Слѣды явленій гробовыхъ.

У стѣнки фертикъ молодой
Стояль картинкою журнальной
Румянъ какъ вербный херувимъ
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ.

Переходя къ пропущеннымъ строфамъ другого рода — иначе говоря, къ черновой работѣ Пушкина надъ романомъ, сдѣлаемъ необходимое предварительное замѣчаніе: мы обладаемъ такимъ большимъ количествомъ рукописей «Евгенія Онѣгина», что не имѣемъ возможности познакомить читателя со всѣмъ громаднымъ матеріаломъ, заключающимся въ нихъ, и, ограниченные мѣстомъ, принуждены выбирать только изъ бѣловыхъ рукописей, да и то не все, а лишь наиболѣе интересное и отдѣланное поэтомъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Строфа IV. Первоначально Monsieur l'Abbé не «слегка за шалости бранилъ» Онѣгина, а

Съ нимъ о Парижѣ говорилъ

Строфа V. Къ этой строфѣ относятся, между прочимъ, слѣдующіе наброски:

Онъ зналъ нѣмецкую словесность
По книгѣ Госпожи де Сталь —

(Конфуцій) мудрецъ Китая
Насъ учить юность уважать,
Не торопиться осуждать.
Она одна даетъ надежды

Подозрѣвали въ немъ талантъ
И могъ Евгенийъ въ самомъ дѣлѣ
Вести пріятный разговоръ
А иногда ученый споръ
Объ Господинѣ Мармонтелѣ
(вар.: Объ Байронѣ, объ Манюэлѣ)
О карбонарахъ, о Парни
Объ Генералѣ Жомини.

Строфа VIII. «Наука страсти нѣжной» первоначально занимала Онѣгина «и ночь, и день.»

Строфа XVII. Въ театрѣ каждый дышалъ не «критикой», а «вольностью».

Строфа XX. Пушкинъ долго выбиралъ эпитетъ для «ножки» Истоминой — «И быстрой», «И легкой», и наконецъ

И гибкой ножкой ножку бьетъ

(а въ печати опять вернулся къ первоначальному чтенію).

Строфа XXIV. Послѣ этой строфы поэтъ началъ было слѣдующую:

Во всей Европѣ въ наше время
Между воспитанныхъ людей
Не почитается за бремя
Отдѣлка (нѣжная) ногтей.
И нынче — воинъ и придворный
(Поэтъ и) либераль задорной
(И сладкогласный) дипломатъ
Готовъ

(Кокетства) странности такой
Не понималъ философъ мой.

Строфа XXV. Чтеніе въ чистой рукописи пятого стиха: Второй Ч..., мой Евгенийъ — говоритъ о неправильной расшифровкѣ звѣздочекъ — «Каверинъ».

Строфа XXXIV. Первоначально 9-10 стихи читались:

Но полно вѣтреницъ надменныхъ
Смѣшить любовію мнѣ глупой
13-ый: Слова и взоръ твореній сихъ

Строфа XLV. Послѣ этой строфы начато было:

Мнѣ было грустно, тяжело больно
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ —
Я сталъ взирать его очами
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ лады —

Строфа LVI.

5-ый ст. Чтобъ мой насмѣшливый читатель
13-14: Писать иное что (вар.: поэзію) любя;
А только про самихъ себя

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Строфа VI. Стихъ 6: Душою школьникъ Геттингенской;
Стихъ 9: Онъ изъ Германіи свободной
Стихъ 12: Духъ пылкой, прямо благородный

Строфа VII. Послѣдніе 8 стиховъ въ рукописи читались:

И міра новый блескъ и шумъ
Обворожали юный умъ;
Онъ зналъ и трудъ и вдохновенье,
И освѣжительный покой,
Къ чему-то жизни молодой
Неизъяснимое влеченье,
Страстей мятежныхъ буйный пиръ
И слезы и сердечный миръ
(вар.: И бурю ихъ и сладкій миръ).

Строфа IX. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣдовали еще слѣдующія три:

Не пѣлъ порочной онъ забавы,
Не пѣлъ презрительныхъ Цирцей
Онъ оскорблять гнушался нравы
Избранной лирою своей;
Поклонникъ истиннаго счастья
Не славилъ сѣтей сладострастья
Постыдной нѣгою дыша,
Какъ тотъ, чья жадная душа
Добыча вредныхъ заблуждений
Добыча жалкая страстей
Преслѣдуетъ въ тоскъ своей
Картины прежнихъ наслаждений
И свѣту въ пѣсняхъ роковыхъ
Безумно обнажаетъ ихъ.

Пѣвцы слѣпова наслажденья,
Напрасно дней своихъ блажныхъ
Передаете впечатлѣнья
Вы намъ въ элегіяхъ живыхъ.
Напрасно дѣвушка украдкой
Внимая звукамъ лиры сладкой
Къ вамъ устремляетъ нѣжный взоръ
Начать не смѣя разговоръ.
Напрасно вѣтрена младость
За полной чашею, въ вѣнкахъ
Вспоминаетъ на пирахъ

Стиховъ изнѣженную сладость
Иль на ухо стыдливыхъ дѣвъ
Ихъ шепчетъ, робость одолѣвъ;

Нешастные, рѣшите сами
Какое ваше ремесло;
Пустыми звуками, словами
Вы сѣете развратъ и зло.
Передъ судилищемъ Паллады,
Вамъ нѣтъ вѣнца, вамъ нѣтъ награды
Но вамъ дороже, знаю самъ,
Слеза съ улыбкой пополамъ.
Вы раждены для славы женской
Для васъ ничтоженъ судъ Молвы —
И жаль мнѣ васъ... и милы вы,
Не вамъ чета былъ гордый Ленскій
Его стихи конечно мать
Велѣла бѣ дочери читать.¹⁾

Но добрый юноша готовый
Высокій подвигъ совершить,
Не будетъ въ гордости суровой
Стихи нечистые твердить
Но праведникъ изнеможенный
Къ цѣпямъ (неправдой) присужденный

— — — — —
Съ лампадой дремлющей во тьмѣ
Не склонить въ тишинѣ пустынной
На свитокъ вашъ очей своихъ
И на стенѣ вашъ вольный стихъ
Не начертить рукой безвинной
Нѣмой и горестный привѣтъ
Для узника (грядущихъ лѣтъ).

Строфа X. Розы первоначально были не «романтичeskія», а «умирающія». Строфа кончалась двустишіемъ:

¹⁾ Въ рукописи Рум. Муз. къ этому стиху Пушкинъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе: «La mère en pres-crige la lecture à sa fille. Piron. Стихъ сей вошелъ въ пословицу. Замѣтимъ, что Пиронъ (кромѣ своей Метроманіи) хорошъ только въ такихъ стихахъ, о которыхъ невозможно намекнуть, не оскорбляя благопристойности.»

Онъ пѣлъ дубравы гдѣ встрѣчалъ
Свой вѣчный, милый Идеаль.

Строфа XI. Строфа кончалась двустишіемъ:

Но разговоръ крикливыхъ женъ
Еще былъ менѣе мудренъ.

Строфа XIV. Эта строфа составила изъ слѣдующихъ двухъ:

Но дружбы нѣтъ и той межъ нами
Всѣ предразсудки изтребя
Мы почитаемъ всѣхъ нулями
А единицами себя.
Мы всѣ глядимъ въ Наполеоны
Двуногихъ тварей миліоны
Для насъ орудіе одно
Намъ чувство дико и смѣшно;
Имѣть восторженные чувства
Простительно въ 16 лѣтъ
Кто полонъ ими тотъ поэтъ
Иль хочетъ высказать искусство
Предъ легковѣрною толпой
Чтожъ мы такое?... Боже мой!

Сноснѣе впрочемъ былъ Евгений
Людей онъ просто не любилъ
И управлять кормиломъ мнѣній
Нужды большой не находилъ
Не посвящалъ друзей въ шпіоны
Хоть думалъ что добро, законы,
Любовь къ отечеству, права
Одни условныя слова
Онъ понималъ необходимость
И мигъ покоя своего
Не отдалъ бы не для кого.
Но уважалъ въ другихъ рѣшимость
Гонимой Славы красоту
Талантъ и сердца правоту —

Строфа XVI. Послѣ этой строфы Пушкинъ началъ было слѣдующую:

Отъ важныхъ исходя предметовъ
Порой касался разговоръ
И русскихъ иногда поэтовъ.
Со вздохомъ и потупя взоръ,

Владиміръ слушалъ какъ Евгений
(Немилосердно) поражалъ

Строфа XVII. XVII-ая строфа печатной редакціи составила изъ двухъ строкъ такимъ образомъ: Пушкинъ взялъ первые 4 стиха одной строфы и (съ нѣкоторымъ измѣненіемъ) 10 стиховъ другой. Приводимъ эти строфы по бѣловой рукописи:

Но чаще занимали страсти
Умы пустынниковъ моихъ
Ушедъ отъ ихъ мятежной власти
Онѣгинъ говорилъ объ нихъ
Какъ о знакомцахъ измѣнившихъ
Давно могилы сномъ почившихъ
И коихъ нѣтъ ужъ и слѣда.
Но вырывались иногда
Изъ устъ его такіе звуки,
Такой глубокой чудный стонъ
Что Ленскому казался онъ
Примѣтой незатихшей муки —
И точно: Страсти были тутъ.
Скрывать ихъ былъ напрасный трудъ.

Какія чувства не кипѣли
Въ его измученной груди?
Давноль, надолголь присмирѣли?
Проснутся — только погоди
Блаженъ кто вѣдалъ ихъ волненье
Порывы, сладость, упоенье
И наконецъ отъ ихъ отсталъ
Блаженнѣй тотъ кто ихъ не зналъ
Кто охладилъ любовь разлукой
Вражду злословіемъ. Порой
Зѣваль съ друзьями и съ женой
Ревнивой не тревожась мукой. —
Что до меня — то мнѣ на часть
Досталась пламенная страсть.

Непосредственно за этой строфой въ рукописи слѣдуютъ еще двѣ:

О двойка!... ни дары свободы,
(Ни Фебъ), ни дамы, ни пиры
Онѣгина въ минувши годы
Не отвлекли бы отъ игры;
Задумчивый, всю ночь до свѣта

Бывалъ готовъ онъ въ прежни лѣта
Допрашивать судьбы завѣтъ:
На лѣво ляжетъ-ли Валетъ?
Ужъ раздавался звонъ обѣденъ
Среди разорванныхъ колодъ
Дремалъ усталый банкаметъ
А онъ нахмурень, бодръ и блѣденъ
Надежды полнъ закрывъ глаза
Пускалъ на 3-го туза.¹⁾

И я теперь — отшельникъ скромный
Скупой невѣруя мечтѣ
Ужъ не поставлю карты темной
Замѣтя грозное руте
Мѣлокъ оставилъ я въ покоѣ
Atànde, слово роковое
Мнѣ не приходитъ на языкъ —
Отъ риѣмы также я отвыкъ
Что будешь дѣлать? между нами
Всемъ этимъ утомился я
На дняхъ попробую, друзья
Заняться бѣлыми стихами
(Хоть все имѣеть) quinze elle va
Большія на меня права.

Строфа XXII. Повидимому, первоначально Пушкинъ предполагалъ дать гораздо болѣе привлекательный образъ Ольги. Объ этомъ говорятъ, между прочимъ, и слѣдующія двѣ строфы, примыкающія къ XXII-ой строфѣ и исключенныя поэтомъ:

Кто-жъ та была, которой очи
Онъ безъ искусства привлекалъ,
Которой онъ и дни и ночи
И думы сердца посвящалъ?
Меньшая дочь сосѣдей бѣдныхъ.
Вдали забавъ столицы вредныхъ
Невинной прелести полна,
Въ глазахъ родителей она
Цвѣла какъ ландышъ потаенный
Незнаемый въ травѣ глухой
Ни мотыльками ни пчелой

¹⁾ Первоначально Пушкинъ говорилъ отъ своего имени (напр.: «Не отвлекли бѣ въ минувши годы Меня отъ карточной игры»).

Цвѣтокъ быть можетъ обреченный
Размаху гибельной косы,
Не осушилъ еще росы.¹⁾

Ни дура Англинской породы
Ни своенравная Мамзель
Въ Россіи по уставу Моды
Необходимыя досель,
Не стали портить Ольги милой.
Фадеевна рукою хилой
Ея качала колыбель. —
Она жъ за Ольгою ходила
Бову рассказывала ей
Чесала золото кудрей
Читать — По м и л у й м я учила,
Поутру наливала чай
И баловала невзначай.

Прежде, чѣмъ вычеркнуть эту строфу, Пушкинъ началъ ее приспособлять къ Татьянѣ: «Не портили Татьяны милой», «Она жъ за ней одна ходила», «Чесала шелкъ ея кудрей».

Строфа XXIII. Характеристика Ольги начиналась стихомъ: «Всегда тиха, всегда послушна», въ которомъ Пушкинъ неоднократно мѣнялъ первую половину: «Всегда жива», «Всегда вольна» и снова «Всегда тиха».

Строфа XXIV. Вкуса мало у насъ не только въ именахъ и въ стихахъ, но «и въ платьѣ», и «въ домахъ», и «въ уборахъ» и «на крестинахъ». Но самое интересное, что даютъ черновики этой строфы — это колебанія Пушкина въ имени своей героини, которую онъ хотѣлъ назвать «Наташей».

Строфа XXIX. 3-й и 4-ый стихи читались:

И чемъ романъ тянулся долѣ
Тѣмъ больше ей онъ угождалъ.

¹⁾ 5 стиховъ этой строфы вошли въ XXI-ую строфу вмѣсто первоначальнаго окончанія XXI-ой строфы:

Такъ въ Ольгѣ милую подругу
Владиміръ видѣть привыкалъ —
Онъ рано безъ нее скучалъ —
И рано по густому лугу —
Бродя безъ Ольги — межъ цвѣтовъ
Любилъ искать ея слѣдовъ —

Болѣ любопытный вариантъ: Татьяна первоначально «влюблялася въ обманы Шатобриана и Руссо».

Строфа XXXII. Заключительное двестише сперва читалось:

Звала гостей развеселясь
Служанокъ сѣкла осердясь.

Строфа XXXIV. Пушкинъ предполагалъ назвать Ларина сперва Антоніемъ, потомъ Сергіемъ.

Строфа XL. Послѣ этой строфы первоначально слѣдовало:

Но можетъ быть и это даже
Правдоподобнѣе сто разъ
Изорванный, въ пыли и въ сажѣ
Мой недочитанный рассказъ
Служанкой (вар: съ Барковымъ) изгнанъ
изъ уборной

Въ передней кончитъ вѣкъ позорный
Какъ Инвалидъ иль календарь
Или затасканный букварь.
Ну что жъ: въ гостиной иль въ передней
Равно читатели — —
Надъ книгой ихъ права равны
Не я первой не я послѣдній
Ихъ судъ услышу надъ собой
Ревнивой, строгой и тупой —

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ рукописи третьей главы данъ эпитафъ изъ Данте:

*ma dimini : nel tempo dolis sospiri
A que comme incedette amore
Che conosuti i dubiosi desiri.*

Строфа I. Заключительное двестише въ чистой рукописи:

Варенье горы кулича
Да въ залѣ сальная свѣча.

Строфа V. Въ рукописи Ольга сравнивается съ мадонами Рафаэля и съ «Перуджиновой мадоной», и «приторный Памелы взоръ» надоѣлъ Онѣгину и въ Ричардсонѣ; Ленскій отвѣчаетъ своему пріятелю, что «Всякъ молится своей иконѣ». Послѣ этой строфы въ черновикѣ слѣдовала строфа:

Въ постелѣ лежа — нашъ Евгений
Глазами Байрона читалъ
Но дань вечернихъ размышленій
Въ умѣ Татьянѣ посвящалъ
Проснулся онъ денницы ранѣ.
И мысль была все о Татьянѣ
Вотъ новое — подумалъ онъ
Неужь-то я въ нее влюбленъ
Ей богу, это было-бъ славно
— — ужъ тотобъ одолжить,
Посмотримъ — и тотчасъ рѣшилъ
Сосѣдку навѣщать исправно —
Какъ можно чаще — всякой день
(Вѣдь) имъ досугъ а мнѣ не лѣнь

Началъ было Пушкинъ и еще слѣдующую:

(Рѣшилъ) — и скоро сталъ Евгений
Какъ Ленской
Ужель Онѣгинъ въ самомъ дѣлѣ
(Влюбился)

Строфа VI. Заключительное двустишіе въ рукописи:

Такъ думалъ понимать Антропъ
Того же мнѣнья былъ и попъ.

Строфа X. Послѣ десятой строфы въ чистой рукописи было:

Увы! Друзья! мелькаютъ годы —
И съ ними вслѣдъ одна другой
Мелькаютъ вѣтренныя моды
Разнообразной чередой —
Все измѣняется въ природѣ
Ламушь и фижмы были въ модѣ
Придворный франтъ и розтовщикъ
Носили пудренный парикъ
Бывало нѣжные поэты
Въ надеждѣ славы и похвалъ
Точили тонкій мадригалъ
Иль остроумныя куплеты
Бывало храбрый Генералъ
Служилъ и грамоты не зналъ.

Строфа XIII. Первоначальный вариантъ 6-го стиха:
Унижусь до презрѣнной прозы.

Строфа XV. Въ мечтахъ Татьяны ея «искуситель роковой» былъ «на колѣняхъ» передъ ней.

Строфа XXI. Послѣ нея въ рукописи было:

Теперь мнѣ должно бѣ на досугѣ
Мою Татьяну оправдать —
Ревнивый критикъ въ модномъ кругѣ
Предвижу будетъ разсуждать:
Ужели не могли заранѣ
Внушить задумчивой Татьянѣ
Приличій коренныхъ Уставъ.
Да и въ другомъ поэтѣ не правъ
Ужель влюбиться съ первой встрѣчи
Она въ Онѣгина могла
И чемъ увлечена была
Какой въ немъ умъ, какія рѣчи
Ее плѣнить успѣли вдругъ —
Постой, поспорю я, мой другъ.

Строфа XXIII. Послѣ этой строфы было:

Но вы, кокетки записныя,
Я васъ люблю — хоть это грѣхъ
Улыбки, ласки заказныя
Вы разточаете для всѣхъ
Ко всѣмъ стремите взоръ приятный
Кому слова невѣроятны
Того увѣрить поцалуй
Кто хочетъ — воленъ: торжествуй
Я преждѣ, самъ бывалъ доволенъ
Единымъ взоромъ вашихъ глазъ
Теперь лишь уважаю васъ
Но хладной опытностью болень
И самъ готовъ я вамъ помочь
Но ѣмъ за двухъ и сплю всю ночь.

Строфа XXIV. Защищая свою Татьяну, послушную «внушенью» чувства (такъ въ рукописи), Пушкинъ долго искалъ подходящихъ выражений: «что нѣжно (дѣтски) вѣтрена она?» она одарена «воображеніемъ сердечнымъ» («воображеніемъ пылкимъ, нѣжнымъ») и «волей пылкой и живой» и «легкомысліемъ безпечнымъ» («простодушіемъ небрежнымъ») Въмѣсто этой строфы въ рукописи были сперва двѣ:

А вы которыя любили
Безъ позволенія родныхъ

И сердце нѣжное хранили
Для впечатлѣній молодыхъ
Для радостей, для нѣги сладкой
Дѣвицы! если вамъ украдкой
Случалось тайную печать
Съ письма любовнаго срывать
Иль робко въ дерзостныя руки
Завѣтный локонъ отдавать
Иль даже молча позволять
Въ минуту горькую разлуки
Дрожащій поцалуй любви
Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови

Не осуждайте безусловно
Татьяны вѣтренной моей
Не повторяйте хладнокровно
Рѣшенья чопорныхъ судей
А вы, о Дѣвы безъ упрека,
Которыхъ даже тѣнь порока
Страшить сегодня какъ змія
Совѣтую вамъ тоже я.
Кто знаетъ? пламенной тоскою
Сгорите можетъ быть и вы
И завтра легкой судъ Молвы
Припишетъ модному Герою
Побѣды новой торжество:
Любви васъ ищетъ Божество.

Строфа XXVI. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣдуютъ еще двѣ строфы:

Сокровища роднаго слова
(Замѣтятъ важныя умы)
Для лепетанія чужова
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремушки
А не читаемъ книгъ своихъ.

Но гдѣ жъ онѣ? давайте ихъ.
Конечно: сѣверные звуки
Ласкаютъ мой привычный слухъ,
Ихъ любить мой славянской духъ,
Ихъ Музыкой сердечны муки
Усыплены.... но дорожить
Одними звуками — Питъ.

Но гдѣ жъ мы первая познанья
 И мысли первая нашли
 Гдѣ примѣняемъ испытанья
 Гдѣ узнаемъ судьбу земли
 Не въ переводахъ одичалыхъ
 Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ
 Гдѣ Руской Умъ да Руской духъ
 Зады твердить и лжетъ за двухъ.
 Поэты наши переводятъ
 А прозы нѣтъ. Одинъ журналъ
 Исполненъ приторныхъ похвалъ
 Тотъ брани плоской. Всѣ наводятъ
 Зѣвоту скуки — чуть не сонъ
 Хорошъ Россійской Геликонъ!

Письмо Татьяны къ Онѣгину. Въ письмо Татьяны не вошли, между прочимъ, слѣдующія четверостишія:

Моя смиренная семья,
 Уединенныя гулянья,
 Да книги, вѣрные друзья,
 Вотъ все, что прежде знала я.

Ты мнѣ внушалъ мои моленья
 И Вѣры благодатный жаръ,
 И грусть, и слезы умиленья —
 Не все ли твой завѣтный даръ?

Письмо Татьяны подписано: въ чистовой рукописи Татьяна Л., въ черновикѣ:

Подумала, что скажутъ люди,
 И подписалась Т. Л. [твердо, люди].

Строфа XXXV. Послѣ этой строфы въ рукописи слѣдовало:

Теперь какъ сердце въ ней забилося
 Заныло будто предъ бѣдой
 Возможно ль? что со мной случилось,
 Зачемъ писала, боже мой!...
 На мать она взглянуть не смѣетъ
 То вся горитъ, то вся блѣднѣетъ
 Весь день, потупя взоръ молчитъ
 И чуть не плачетъ, и дрожитъ — —
 Внукъ Няни поздно воротился
 Сосѣда видѣлъ онъ; ему
 Письмо вручилъ онъ самому.

И что жь сосѣдъ? — верхомъ садился
И положилъ письмо въ карманъ —
Ахъ чемъ-то кончится романъ!

Пѣсня дѣвушекъ. Первоначально была написана другая «Пѣсня», и, какъ можно думать по положенію въ черновикѣ и по исправленіямъ, Пушкинъ предполагалъ включить обѣ пѣсни въ текстъ и обѣ пѣсни вполне отдѣлать.

П ѣ с н я .

Вышла Дуня на дорогу
Не молившись Богу —
Дуня плачетъ, завываетъ
Друга провожаетъ
Другъ поѣхалъ на чужбину
Дальнюю сторонку
Охъ ужъ эта мнѣ чужбина
Горькая кручина...
На чужбинѣ молодежи,
Красныя дѣвицы,
Здѣсь осталась я младая
Горькою вдовицей —
Вспомяни меня младую
Аль я приревную
Вспомяни меня заочно
Хоть и ненарочно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Строфа XII. Въ рукописи исповѣди-проповѣди Онѣгина предшествуетъ слѣдующая программа:

Когда бъ я думалъ о бракѣ, когда бы мирная семейственная жизнь нравилась моему воображенію, то я бы васъ выбралъ, никого другого, я бы въ васъ нашель... но я не созданъ для блаженства etc.. (Недостоинъ!)

Мнѣ ли соединить мою судьбу съ вами? Вы меня избрали, вѣроятно я первый вашъ passion, но увѣрены ли — позвольте вамъ совѣтъ дать.

Къ исповѣди Онѣгина относятся, между прочимъ, слѣдующіе наброски:

....нѣтъ сомнѣнья,
Найти возможно исключенье,
И вы живой тому примѣръ.
Но вообще — клянусь предъ вами, —
Что женщины не знаютъ сами
Зачѣмъ они (того берутъ)

Нѣтъ! вы достойны быть любимы
Такой же пламенной душой...

Строфа XVII. Послѣ этой строфы въ черновикѣ слѣдовало:

Но ты — губернія Псковская —
Теплица юныхъ дней моихъ
Что можетъ быть страна пустая
Несноснѣй барышень твоихъ?
Межъ ими нѣтъ, — замѣчу къ стати
Ни тонкой вѣжливости знати,
Ни милой (вѣтрености) шлюхъ
Я уважая Руской духъ,
Простилъ бы имъ ихъ сплетни, чванство
Фамильныхъ шутокъ остроту
Пороки, зубъ нечистоту
(И непристойность и) жеманство
Но какъ простить имъ (модный) бредъ
И неуклюжій этикетъ —

Строфа XXIV. Первоначально (въ связи съ другимъ планомъ, который былъ у Пушкина) эта строфа читалась иначе:

Увы Татьяна увядаетъ...
Блѣднѣетъ гаснетъ и молчить
Ничто ея не занимаетъ
Ея души не шевелить — —
Качая [важно] головою
Сосѣди шепчуть межъ собою
Пора пора бы — замужъ ей —
Мать тоже мыслить; — у друзей
Тихонько требуетъ совѣта —
Друзья совѣтуютъ — зимой

Въ Москву подняться всей семьей —
Авось — въ толпѣ большаго свѣта
Татьянѣ — сыщется женихъ
Милѣй иль щастливѣй другихъ.

Непосредственно за этимъ поэтъ написалъ:

Не въ первый разъ моею Татьянѣ
Ужъ назначали жениховъ
Семейство Лариныхъ заранѣ
Поздравить всякой былъ готовъ
— — — — въ самомъ дѣлѣ
Ее искали — но доселѣ
Она отказывала всѣмъ
Старушка (мать) гордилась тѣмъ — — —
Сосѣдки (всѣхъ именовали)
По пальцамъ (даже) перечли
Такъ (до) Онѣгина дошли
(Потомъ усердно разсуждали)
И предрекли уже разводъ
(Съ Татьяной много) черезъ годъ

Послѣ этого Пушкинъ началъ было и продолженіе —

Но сплетни (скоро перестали) —
(Не вздумалъ свататься женихъ)
Объ немъ
(Татьяна)

Но поэтъ не сталъ продолжать эту строфу вслѣдствіе того, что откинулъ предыдущую, и взявъ ея написалъ новыя строфы:

Старушка очень полюбила
Благоразумный ихъ совѣтъ —
Въ столицу (ѣхать) положила
Какъ только [будетъ] зимній слѣдъ.
Ужъ небо осенью дышало
Ужъ рѣжѣ солнышко блистало
Короче становился день — —
Лѣсовъ таинственная сѣнь
Съ печальнымъ шумомъ обнажалась —
Ложился на поля туманъ
Гусей крикливыхъ караванъ —
Тянулся къ югу — приближалась
(Довольно) скучная пора:
(Стоялъ Ноябрь) ужъ у двора! —

Когда повѣтъ къ намъ весною
 И небо вдругъ оживлено —
 Люблю поспѣшною рукою
 Двойное выставить окно
 Съ какимъ то грустнымъ наслажденьемъ
 Я упиваюсь дуновеньемъ
 (Живой) прохладой; но весна
 У насъ не радостна — она
 Богата грязью не цвѣтами
 Напрасно манить жадный взоръ
 Луговъ плѣнительный узоръ
 Не свищетъ ночью надъ водами
 Пѣвецъ — — и вмѣсто розъ
 Въ поляхъ разтопленный навозъ.

Что наше сѣверное лѣто
 Карриатура южныхъ зимъ
 Мелькнетъ и нѣтъ — извѣстно это —
 Хоть мы признаться не хотимъ —
 Не шумъ дубравъ, не тѣнь, не розы
 Въ удѣлъ намъ отданы морозы —
 Мятель свинцовый сводъ небесъ
 Безлиственный серебристый лѣсъ —
 (Пустыни) ярко — (снѣговья)
 Гдѣ свищутъ подрѣзы саней
 Вотъ слава пасмурныхъ ночей
 Кибитки пѣсни удалыя
 Двойныя стекла, банный паръ —
 Халать лежанка и угаръ.

Строфа XXVI. Ленскій въ альбомѣ Ольги

То въ немъ рисуешь онъ цвѣточекъ
 Въ вѣнкѣ два сердца, ручеечикъ

Строфа XLIII. Первоначально эта строфа начиналась такъ:

Въ глуши что дѣлать въ это время
 Гулять — но голы всѣ мѣста
 Какъ лысое Сатурна темя
 Иль крѣпостная нищета

Строфа XLVIII. Пушкинъ колебался, на какой день назначить именины Татьяны — на четвергъ или на субботу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пушкинъ началъ было выписывать эпитафы:

La sotto

Тускло свѣтится луна
въ сумракѣ тумана
Молчалива и грустна
Милая Свѣтлана
Что подруженька съ тобой
Вымолви словечко
Слушай пѣсни круговой
Вынь

Строфа VIII. Кромѣ Агафона, въ рукописи было и другое имя — Парамонъ.

Строфа XXII. Первоначально о Мартынѣ Задыкъ было сказано:

Прелестной Тани книга эта
Была всего дороже свѣта
И всякой день находить въ ней
Она хорошихъ тьму вещей

Строфа XXX. Первоначально Татьяна падала въ обморокъ, увидя противъ себя Онѣгина.

Строфа XXXIII. Первоначальное чтеніе 9-11 стиховъ:

Запѣль. Нещастная Татьяна
То вся въ огнѣ, то вновь блѣдна;
Стыдомъ досадою полна

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Строфа XXXIV. С. М. Бонди приурочилъ къ этой строфѣ слѣдующіе наброски:

Въ сраженіи [смѣлымъ] быть похвально,
Но кто не смѣлъ въ нашъ храбрый вѣкъ?
Все дерзко бьется, лжетъ нахально.
Герой, будь прежде человекъ.
Чувствительность бывала въ модѣ
И въ нашей сѣверной природѣ.
Когда горящая картечь

Главу сорветъ у друга съ плечъ,
 Плачь, воинъ, не стыдись, плачь вольно,
 И Кесарь слезы проливалъ,
 [Когда онъ] друга [смерть узналъ],
 И самъ былъ ранень очень больно
 (Не помню гдѣ, не помню какъ),
 Онъ былъ конечно не дуракъ.

Но плакать и безъ раны можно
 О другѣ, если былъ онъ милъ,
 Насъ не дразнилъ неосторожно
 И нашимъ прихотямъ служилъ.
 Но если Жница роковая,
 Окровавленная, слѣпая,
 Въ огнѣ, въ дыму — въ глазахъ отца
 Сразить залетнаго птенца!
 О страхъ, о горькое мгновенье
 О когда твой сынъ
 Упалъ сраженъ, и ты одинъ!
 [Забылъ ты славу] [и] сраженье,
 И предалъ славу ты чужой
 Успѣхъ, ободренный тобой.

Какъ мрачный стонъ, какъ гроба холодъ....

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Строфа XXI. Въ первоначальной XXI строфѣ упоминалось объ альбомѣ-дневникѣ Онѣгина, и непосредственно за этимъ слѣдовало:

Опрятно по краямъ окованъ
 Позолоченымъ серебромъ
 Онъ былъ изписанъ, изрисованъ
 Рукой Онѣгина кругомъ
 Межъ непонятнаго моранья
 Мелькали мысли, замѣчанья
 Портреты, числа, имена
 Да буквы, тайны письмена
 Отрывки, письма черновыя
 И словомъ искренній журналъ
 Въ который душу изливалъ
 Онѣгинъ въ дни свои молодые
 Дневникъ мечтаній и проказъ
 Кой что [я] выпишу для васъ

Альбомъ Онѣгина.

1.

Меня не любятъ и клеветуютъ
Въ кругу мужчинъ несносенъ я
Дѣвчонки предо мной трепещутъ
Косятся дамы на меня
За что? за то что разговоры
Принять мы рады за дѣла
Что вздорнымъ людямъ важны вздоры
Что Глупость вѣтрена и зла
Что пылкихъ душъ несторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшить —
Что умъ любя просторъ — тѣснить.

2.

Бойтесь вы Графини — овой —
Сказала намъ Элиза К.
Да возразилъ NN суровой
Боямся мы Графини — овой
Какъ вы бойтесь паука.

3.

Въ коранѣ много мыслей здравыхъ
Вотъ на примѣръ: предъ каждымъ сномъ
Молись — бѣги путей лукавыхъ
Чти бога и не спорь съ глушомъ —

4.

Цвѣтокъ полей, листокъ дубравъ
Въ ручьѣ Кавказскомъ каменѣтъ
Въ волненьи жизни такъ мертвѣтъ
И вѣтреной и нѣжной нравъ.

5.

Шестого. Былъ у В. на балѣ
Довольно пусто было въ залѣ —
С. Р. какъ Ангелъ хороша
Какая вольность въ обхожденьи
Въ улыбкѣ, въ томномъ глазѣ движеньи
Какая нѣга и душа!

(Она сказала Nota bene
Что завтра ѣдетъ къ Селиментъ).

Вечоръ сказала мнѣ R. C.
Давно желала я васъ видѣть
Зачѣмъ? — мнѣ говорили всѣ
Что я васъ буду ненавидѣть
За что? — за рѣзкій разговоръ
За легкомысленное мнѣнье
О всемъ; за колкое презрѣнье
Ко всѣмъ; однакожь это вздоръ
Вы надо мной смѣяться властны
Но вы совсѣмъ не такъ опасны
И знали ль вы до сей поры
Что просто — очень вы добры?

7.

Сокровища родного слова
Замѣтятъ важные умы
Для лепетанія чужова
Безумно пренебрегли мы
Мы любимъ Музъ чужихъ игрушки
Чужихъ нарѣчій погремушки
А не читаемъ книгъ своихъ —
Да гдѣ-жь они? давайте ихъ.
А гдѣ мы первыя познанья
И мысли первыя нашли
Гдѣ повѣряемъ испытанья
Гдѣ узнаемъ судьбу земли
Не въ переводахъ одичалыхъ
Не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ
Гдѣ рускій Умъ и Рускій духъ
Зады твердить и лжетъ за двухъ.

8.

Морозъ и солнце! чудный день —
Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
Сойти съ крыльца и надъ Невую
Блеснуть холодной красотою —
Сидятъ — напрасно ихъ манить
Пескомъ усыпанный гранитъ.
Умна восточная система

И правъ обычай стариковъ'
Онѣ родились для Гарема
Иль для неволи теремовъ.

9.

(Вчера у В) — оставя пиръ
R. C. летѣла какъ Зефиръ
Невнемля жалобамъ и пѣнямъ
А мы по лаковымъ ступенямъ
Летѣли шумною толпой
За Одалиской молодой
Послѣдній звукъ послѣдней рѣчи
Я отъ нее поймать успѣлъ
Я чернымъ соболемъ одѣлъ
Ея блистающія плечи
На кудри милой головы
Я шаль зеленую накинულъ
Передъ Венерою Невы
Толпу влюбленную раздвинулъ —

10.

— — — я васъ люблю etc. ¹⁾

11.

Сегодня былъ я ей представленъ
Глядѣлъ на мужа съ полчаса
(Онѣ важень) красить волоса
Онѣ чиномъ отъ ума избавленъ —

Кромѣ этихъ отдѣланныхъ записей, въ рукописи имѣются еще слѣдующіе черновые наброски:

Я не люблю княжны S. L.!
Свое (тщеславье) (и) (кокетство)
Она взяла себѣ за (цѣль),
Короче было бѣ взять за средство.

Вчера былъ день довольно (странный?)
(Поутру былъ у.....)
Чего же такъ хотѣлось ей?
Сказать ли первыя три буквы?
К - Л - Ю - клю... возможно ль? клюквы! —

¹⁾ По всей вѣроятности, сокращенная запись: «Но вы, кокетки записныя, Я васъ люблю, хоть это грѣхъ... и т. д. (см. стр. 250).

Когда бы грузъ, меня гнетущій,
Быльъ страсть, несчастье...
Такъ напряженьемъ, волей твердой,
Мы страсть безумную смиримъ,
Бѣду снесемъ душою гордой
Печаль надеждой усладимъ!
Но скуку! — чѣмъ ее смиримъ?...
Но то, что (душу подавляетъ)
(Что насъ)....

S. M. (по набережной длинной)
(Въ сопровожденіи двухъ слугъ)
(Съ своей подружкою самъ-другъ)
(Шла)....

Строфа XXIV. Послѣ XXIV-ой строфы поэтъ предполагалъ сдѣлать переходъ къ описанію путешествія Онѣгина (по первоначальному плану путешествіе Онѣгина входило въ седьмую главу) и написалъ слѣдующую строфу:

Но мы съ открытіемъ поздравимъ
Татьяну милую мою —
И въ сторону свой путь направимъ
Чтобъ не забыть о комъ пою
Убивъ неопытнаго друга
Томленье (сельскаго) досуга
Не могъ Онѣгинъ одолѣть —
(Рѣшился онъ въ кибитку сѣсть) —
Раздался колокольчикъ звучный
Ямщикъ ударилъ засвисталъ
И нашъ Онѣгинъ поскакалъ
(Искать отрады жизни) скучной
По отдаленнымъ (сторонамъ)
Куда не зная точно самъ.

Наброски XXXIX-ой строфы:

(Татьяну все) воображая
Ее ребенкомъ. Няня ей
Сулитъ веселье изтощая
Риторику хвалы своей
(Москву?) описываетъ живо

Строфа L. Наброски строфы, примыкающей къ L-ой:

Въ низу вопросы зашумѣли
Кто эта съ правой стороны
Въ четвертой ложѣ — Надоѣли

ВОСЬМАЯ ГЛАВА.

Вмѣсто первой строфы печатной редакціи первоначально предполагались слѣдующія четыре:

Въ тѣ дни когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ
Читалъ охотно Елисея
А Цицерона проклиналъ
Въ тѣ дни, какъ я поэмѣ рѣдкой
Не предпочелъ бы мячикъ мѣткой
Считалъ схоластику за вздоръ
И прыгалъ въ садъ черезъ заборъ
Когда порой бывалъ прилежень
Порой лѣнивъ порой упрямъ
Порой лукавъ, порою прямъ
Порой смиренъ, порой мятеженъ
Порой печаленъ, молчаливъ
Порой сердечно говорливъ.¹⁾

¹⁾ Въ свою очередь, еще прежде, вмѣсто этой строфы были написаны двѣ:

Въ тѣ дни когда въ садахъ Лицея
Я безмятежно разцвѣталъ
Читалъ украдкой Апулея
А надъ Виргиліемъ (?) зѣвалъ
Когда лѣниво я проказилъ
По крышамъ и по окнамъ лазилъ (?)
И забывалъ Латинскій классъ
Для алыхъ устъ и черныхъ (глазъ?)
Когда тревожить начинала
Мнѣ сердце смутная печаль
Когда т вдалъ
Мои мечтанья увлекала
И (эхо?) (молодого?) дня
Будило радостно меня.

Когда Французомъ называли
Меня задорные друзья

Когда въ забвеньи передъ классомъ
Порой терялъ я взоръ и слухъ
И говорить старался басомъ
И стригъ надъ губой первый пухъ
Въ тѣ дни... въ тѣ дни когда впервые
Замѣтилъ я черты живыя
Прелестной дѣвы, и любовь
Младую взволновала кровь
И я тоскуя безнадежно
Томясь обманомъ пылкихъ сновъ
Вездѣ искалъ ея слѣдовъ,
Объ ней задумывался нѣжно,
Весь день минутной встрѣчи ждалъ
И счастье тайныхъ мукъ узналъ

Въ тѣ дни — во мглѣ дубравныхъ сводовъ
Близъ водъ текущихъ въ тишинѣ
Въ углахъ Лицейскихъ переходовъ
Являться Муза стала мнѣ
Моя студенческая келья
Доселѣ чуждая веселья
Вдругъ озарилась! — Муза въ ней
Открыла пиръ своихъ затѣй;
Простите, хладныя Науки!
Простите игры первыхъ лѣтъ!
Я измѣнился, я поэтъ
Въ душѣ моей едины звуки
Переливаются, живутъ
Въ размѣры сладкіе бѣгутъ.

Вездѣ со мной, неутомима
Мнѣ Муза пѣла, пѣла вновь
(*Amorem sanat aetas prima*)
Все про любовь да про любовь.
Я вторилъ ей — младые други.

Когда (педанты) предрѣкали
Что ввѣкъ повѣсой буду я
Когда по розовой аллѣе
Мы рѣзвились, бѣсились....
Когда (порой) въ тѣни алей
Я слушалъ клики лебедей
(Или) (когда) (среди) (равнины)
На воды свѣтлыя взиралъ
(Кагульскій) (мраморъ) (навѣщаль)

Въ освобожденные досуги,
Любили слушать голосъ мой —
Они пристрастною душой
Ревнуя къ братскому союзу,
Мнѣ первый поднесли вѣнецъ
Чтобъ имъ украсилъ ихъ пѣвецъ
Свою застенчивую Музу.
О торжество невинныхъ дней!
Твой сладокъ сонъ душъ моей

Строфа III. Первоначальная редакція 3-4 стиховъ:

Толпы восторги раздѣляя
Я Музу пылкую привелъ

9-10: И какъ Вакханочка бѣсилась,
Кричала, пѣла межъ гостей

Строфа IV. Первое четверостишіе въ рукописи читается иначе:

Но Рокъ мнѣ бросилъ взоры гнѣва
И вдаль занесъ — она за мной.
Какъ часто ласковая дѣва
Мнѣ услаждала часъ ночной

Строфа V. Варіантъ 9-10 стиховъ: Для пѣсень Вольности любезной

Но дунулъ вѣтеръ, грянулъ громъ,

Строфа XVI. Въ рукописи 7-9 стихи читались:

Она сидѣла на софѣ
Межъ странной Леди Барифе
Съ надменной (вар: «и съ славной», «и съ
гордой») Ниной Таранскою

Строфа XX. 9-ый стихъ въ рукописи читался: И дышетъ пламенно на волѣ...

Строфа XXIII. Мужъ Татьяны вспоминалъ первоначально съ Онѣгинымъ «Затѣи, мнѣнныя», потомъ «Друзей, красавицъ прежнихъ лѣтъ».

Строфа XXIV. Постъ XXIV-ой строфы въ рукописи было:

И та, чья юность улыбалась
Разцвѣтшей жизни благодать
И та которая сбиралась
Ужъ общимъ мнѣньемъ управлять
И представительница свѣта

И та чья скромная планета
Должна была когда-нибудь
Смирненнымъ щастіемъ блеснуть
И та которой сердце тайно
Нося безумной страсти казнь
Питало ревность и боязнь —
Соединенныя случайно
Другъ дружкѣ чуждыя душой
Сидѣли тутъ одна съ другой

Со всею вольностью дворянской
Чуждались щегольства рѣчей
И щекотливости мещанской
Журнальныхъ чопорныхъ судей
Въ гостиной свѣтской и свободной
Быль принять слогъ престонародной
И не пугаль ничьихъ ушей
Живою странностью своей.
(Чему навѣрно удивится,
Готовя свой разборный листъ
Иной глубокой Журналистъ;
Но въ свѣтѣ мало-ль что творится
О чемъ у насъ не помышляль,
Быть можетъ ни одинъ Журналь!)

Никто насмѣшкою холодной
Встрѣчать не думаль старика
Замѣтя воротникъ немодной
Подъ бантомъ шейнаго платка.
И новичка — Провинціала
Хозяйка спѣсю не смущала
Равна для всѣхъ она была
Непринужденна и мила
Лишь путешественникъ залетной
Блестящій, Лондонской нахаль
Полу-улыбку возбуждалъ
Своей осанкою заботной
И быстро обмѣненный взоръ
Ему былъ общій приговоръ

Строфа XXV-XXVI. XXV-ая (которую Пушкинъ печаталь безъ послѣднихъ шести стиховъ) и XXVI-ая строфы первоначально имѣли слѣдующій видъ:

Тутъ былъ на эпиграмы падкой
На все сердитый князь Бродинъ

На чай хозяйки слишкомъ сладкой
На глупость дамъ, на (тонъ) мушинъ
На вензель двумъ сироткамъ данный
На толки про романъ жеманный
(На пустоту жены своей)
(На тальи спѣлыхъ дочерей)
Тутъ былъ одинъ диктаторъ бальной
Прыгунъ суровый должностной;
У стѣнки фертикъ молодой
Стоялъ картинкою журнальной
Румянъ какъ вербный херувимъ
Затянуть, нѣмъ и недвижимъ.

Тутъ былъ Проласовъ заслужившій
Извѣстность низостью души
Во всѣхъ Альбомахъ притупившій
St Priest твои карандаши,
Тутъ былъ (К. М.) фран(цузъ?) женатый
На куклѣ чахлой и горбатой
И семи тысячахъ душахъ;
Тутъ былъ во всѣхъ своихъ звѣздахъ
(Прависинъ Цензоръ) непреклонный
(Недавно грозный сей Катонъ
За взятки мѣста былъ лишонъ)
Тутъ былъ еще сенаторъ сонный,
Проведшій съ картами свой вѣкъ,
Для власти нужный человекъ.

Къ XXV-XXVI строфамъ относятся также слѣдующіе черновые наброски:

Явился... добрый малый
Извѣстный низостью своей
И страстью открывать всѣ балы
.....
За нимъ другой красавецъ бальной
Вошелъ картинкою журнальной.
(Тутъ) (Лиза) дочь его была,
Ужъ такъ жеманна, такъ мала,
Такъ неопрятна, такъ писклива,
Что поневолѣ каждый гость
Предполагалъ въ ней умъ и злость;
(Въ углу важна и молчалива)
.....
.....

Строфа XXVI. Послѣ этой строфы въ рукописи имѣется слѣдующая:

Смотрите: въ залу Нина входитъ,
Остановилась у дверей
И взглядъ разсѣянный обводитъ
Кругомъ внимательныхъ гостей.
Въ волненьи перси, плечи блещуть,
Вкругъ стана и груди трепещуть
Прозрачной сѣтью кружева,
Горитъ въ алмазахъ голова
И шелкъ узорной паутиной
Сквозитъ на розовыхъ ногахъ,
Одинъ Онѣгинъ (въ небесахъ)
Предъ сей волшебною картиной:
Одной Татьяной пораженъ,
Одну Татьяну видитъ онъ.

Вмѣсто этой строфы Пушкинъ написалъ другую:

И въ залѣ яркой и богатой
Когда въ умолкшій, тѣсный кругъ
Подобна лиліи крылатой
Колебясь входитъ Лалла-Рукъ
И надъ поникшею толпою
Сіяетъ Царственной главою
И тихо вьется и скользитъ
Звѣзда-Харита межъ Харитъ
И взоръ смѣшенныхъ поколѣній
Стремится ревностью горя
То на нее, то на Царя —
Для нихъ безъ глазъ одинъ Евгенийъ
Одной Татьяной пораженъ;
Одну Татьяну видитъ онъ.

Однако и въ такомъ видѣ строфа не вошла въ восьмую главу.

Строфа XXX. Вмѣсто этой строфы была написана другая:

Проходятъ дни, летятъ недѣли
Онѣгинъ мыслить объ одномъ
Другой себѣ не знаетъ цѣли
Чтобъ только явно иль тайкомъ
Гдѣбъ ни было Княгиню встрѣтить
Чтобы въ лицѣ ея замѣтить
Хоть озабоченность иль гнѣвъ.

Свой дикій нравъ преодолѣвъ
Вездѣ на вечерѣ, на балѣ
Въ театрѣ, у художницъ модѣ,
На берегахъ замерзлыхъ водѣ
На улицѣ, въ передней въ залѣ
За ней онъ гонится, какъ тѣнь
Куда его дѣвалась лѣнь!

Письмо Онѣгина къ Татьянѣ.

Въ письмо Онѣгина не вошли, между прочимъ, слѣдующіе стихи:

Но такъ и быть: не въ силахъ долѣ
Противиться я самъ себѣ,
Не въ первый разъ я преданъ волѣ
Страстей безумныхъ и судьбѣ.

Я позабылъ вашъ образъ милый,
Рѣчей стыдливыхъ нѣжный звукъ.
И жизнь сносилъ души унылой,
Какъ искупительный недугъ.

Какъ мало надобно мнѣ счастья!
Я не прошу отъ васъ участья.

Такъ, я безумецъ! и ужели
Я слишкомъ многое прошу?
Когда бъ хотъ тѣнь вы разумѣли
Того, что въ сердцѣ я ношу!

Вы незнакомы съ этимъ адомъ.
И что же?.. вотъ чего хочу:
Пройду... немного... съ вами рядомъ,
Упьюсь по каплѣ сладкимъ ядомъ
И благодарный замолчу.

Строфа XXXVII. И. А. Шляпкинъ (по всѣмъ признакамъ — неточно) приводитъ вариантъ этой строфы:

И часъ насталь — и въ усыпленье
Ума и чувствъ впадаетъ онъ,
И передъ нимъ воображенье
Свой пестрый мечетъ фараонъ.
Видѣнья быстрыя лукаво
Скользятъ налѣво и направо,
И будто на смѣхъ — ни одно
Ему въ отраду не дано.

И какъ отчаянный игрокъ
Онъ желчно проклинаетъ рокъ...
Все тѣ же сыплются видѣнья
Предъ нимъ упрямой чередой;
За ними, съ скрежетомъ мученья,
Онъ алчною слѣдитъ душой.
Отрады нѣтъ.... —
Всѣ ставки жизни проигралъ....

Строфа XLV. Третій стихъ читался сперва «То знайтежъ: колкость», потомъ «холодъ», потомъ «строгость» и снова «колкость» «вашей брани». Такъ точно и въ слѣдующемъ стихѣ Пушкинъ вернулся къ первоначальному эпитету приговора — «тогдашній», который хотѣлъ замѣнить «безнадежнымъ» и «безпощаднымъ». Заключительное двустипіе строфы читалось:

Подите... полно — я молчу —
Я васъ и видѣть не хочу!

Строфа XLVI. Въ рукописи 8-ой и 9-ый стихи читались сперва иначе:

За домикъ нашъ, за дикой садъ
За мѣльницу (вар.: озеро), за городище

Отрывки изъ путешествія Онѣгина.

Въ ноябрѣ 1830 года Пушкинъ предполагалъ еще сохранить полностью главу, посвященную путешествію Онѣгина (въ то время восьмую) и издать ее вмѣстѣ съ послѣдней (девятой) главой. Объ этомъ свидѣтельствуетъ написанное имъ въ это время предисловіе:

У насъ довольно трудно самому Автору узнать впечатлѣніе, произведенное въ публикѣ сочиненіемъ его. Отъ журналовъ узнаетъ онъ только мнѣніе издателей, на которое положиться невозможно по многимъ причинамъ. Мнѣніе друзей, разумѣется, пристрастно, а незнакомые, конечно, не стануть ему въ глаза бранить его произведеніе, хотя бы оно того и стоило.

При появленіи VII пѣсни Онѣгина журналы вообще отозвались объ ней весьма неблагожелательно. Я бы охотно имъ повѣрилъ, если бы ихъ приговоръ не слишкомъ ужъ противорѣчилъ тому, что говорили они о прежнихъ главахъ моего Романа. Послѣ неумѣренныхъ, незаслуженныхъ похвалъ, коими осыпали 6 ча-

стей одного и того же сочиненія, странно было мнѣ читать напр. слѣдующій отзывъ — (Пушкинъ оставилъ мѣсто для выписки отзыва «Сѣверной Пчелы»).

Евгеній Вельскій. Прошу извиненіе у неизвѣстнаго мнѣ поэта, если повторю здѣсь эту грубость критика. Судя по отрывкамъ его поэмы, я ничуть не полагаю для себя обиднымъ, если находятъ Евгенія Онѣгина ниже Евгенія Вельскаго.

2 замѣчаніе. Стихи эти очень хороши, но въ нихъ заключающаяся критика неосновательна. Самый ничтожный предметъ можетъ быть избранъ стихотворцемъ, — критикъ нѣтъ нужды разбирать что стихотворецъ описываетъ, но какъ описываетъ.

Въ одномъ изъ нашихъ журналовъ сказано было, что VII глава не могла имѣть никакого успѣху, ибо Вѣкъ и Россія идутъ впередъ, а стихотворецъ остается на прежнемъ мѣстѣ. Рѣшеніе несправедливое (т. е. въ его заключеніи). Вѣкъ можетъ идти себѣ впередъ, науки, философія и гражданственность могутъ усовершенствоваться и измѣняться, — но поэзіи остаются на одномъ мѣстѣ, не старѣютъ и не измѣняются, ибо душа человѣческая одна, средства тѣ же. И между тѣмъ какъ великіе представители старинной Астрономіи, Физики, Медицины и Философіи одинъ за другимъ забываются, и какъ ихъ понятія замѣняются другими, произведенія истинныхъ поэтовъ остаются свѣжи и вѣчно юны. Поэтическое произведеніе можетъ быть неудачно, слабо, ошибочно, — виновато ужъ вѣрно дарованіе стихотворца, (а не) вѣкъ, ушедшій отъ него впередъ.

Вѣроятно, критикъ хотѣлъ сказать, что Евгеній Онѣгинъ и весь его причетъ уже не новость для Публики, и что онъ надоѣлъ и ей (и) всѣмъ Журналистамъ.

Какъ бы то ни было, рѣшаюсь еще искутить ея терпѣніе.

Вотъ еще двѣ главы Евгенія Онѣгина — послѣднія, по крайней мѣрѣ для печати.¹⁾ Тѣ, которые стали бы въ нихъ искать занимательности происшествій, могутъ быть увѣрены, что въ нихъ еще менѣе дѣйствія, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ. Осьмую главу я хотѣлъ было вовсе уничтожить и замѣнить одной Римскою

¹⁾ Пушкинъ имѣлъ въ виду X-ую главу, которая, конечно, не могла быть напечатана.

Цифрою, но побоялся критики. — Къ тому же многіе отрывки изъ оной были уже напечатаны. Мысль, что неумѣстную пародію можно признать за неуваженіе къ великой и священной памяти, — также удерживала меня. Но Чайльдъ-Гарольдъ стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль о возможности оскорбить не могла во мнѣ родиться. —

Въ слѣдующемъ, 1831 году, Пушкинъ отказался отъ мысли издать обѣ главы, въ 1832 году напечаталъ «Послѣднюю главу Евгенія Онѣгина» (переработавъ ее) и въ первомъ полномъ изданіи романа (въ 1833 году) приложилъ только «Отрывки изъ путешествія Онѣгина».

Возстановить полностью эту главу невозможно; по-видимому, она начиналась тремя строфами, вошедшими въ передѣланномъ видѣ въ восьмую главу (и ставшими тамъ девятой и десятой); послѣ нихъ слѣдовало:

Блаженъ кто понялъ голосъ строгій
Необходимости земной —
Кто въ жизни шелъ большой дорогой
Большой дорогой столбовой
Кто цѣль имѣлъ и къ ней стремился
Кто зналъ зачѣмъ онъ въ свѣтъ явился
И богу душу передалъ
Какъ откупщикъ (иль) Генераль
«Мы рождены, сказалъ Сенека,
Для пользы ближнихъ и своей» —
(Нельзя быть проще и яснѣй)
Но тяжело прожить полвѣка;
Въ минувшемъ видѣтъ то(лько?) слѣдъ
Утраченныхъ, бесплодныхъ лѣтъ — —

Слѣдующія двѣ строфы опять таки вошли въ составъ передѣланной восьмой главы (XI и XII строфы). Послѣ нихъ:

Наскуча или слыть Мельмотомъ
Иль маской щеголять иной
Проснулся разъ онъ Патріотомъ
Дождливой, скучною порой.
Россія, Господа, мгновенно
Ему понравилась отмѣнно
И рѣшено. Ужъ онъ влюбленъ
Ужъ Русью только бредитъ онъ
Ужъ онъ Европу ненавидитъ
Съ ея политикой сухой

Съ ея развратной суетой
Онѣгинъ ѣдетъ онъ увидить
Святую Русь; ея поля.
Пустыни, грады и моря.

Онъ собрался и слава богу
Юня 3 числа
Коляска легкая въ дорогу
Его по почтѣ понесла.
Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ-великой
Смирились площади — средь нихъ
Мятежный колоколь утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ
Съ четою грозныхъ Юановъ
И вокругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней

Тоска, тоска! спѣшитъ Евгений
Скорѣе далѣе: теперь
Мелькаютъ мелькомъ будто тѣни
Предъ нимъ Валдай, Торжокъ и Тверь
Тутъ у привязчивыхъ крестьянокъ
Береть 3 связки онъ баранокъ
Здѣсь покупаетъ туфли — тамъ
По гордымъ Волжскимъ берегамъ
Онъ скачетъ сонный — Кони мчатся
То по горамъ, то вдоль рѣки —
Мелькаютъ версты, ямщики
Поютъ, и свищутъ, и бранятся —
Пыль вьется — Вотъ Евгений мой
Въ Москвѣ проснулся на Тверской

Москва Онѣгина встрѣчаетъ
Своей спесивой суетой
Своими дѣвами прельщаетъ
Стерляжей подчуевъ ухой —
Въ палатѣ Англійскаго клоба
(Народныхъ засѣданій проба)
Безмолвно въ думу погружень
О кашахъ прѣвня слышитъ онъ.
Замѣченъ онъ. Объ немъ толкуеть
Разнорѣчивая молва
Имъ занимается Москва

Его шпиономъ именуеть
Слогаеть въ честь его стихи
И производитъ въ женихи.

Слѣдующую строфу Пушкинъ печаталъ безъ первыхъ
1 1/2 стиховъ. Приводимъ по чистовой рукописи пер-
вые два стиха:

Тоска! тоска! — Онъ въ Нижній хочеть,
Въ отчизну Минина — Предъ нимъ

Послѣ этой строфы:

Тоска! Евгенийъ ждеть погоды
Ужъ Волга рѣкъ озеръ краса
Его зоветь на пышны воды
Подъ полотняны паруса —
Взманить охотника нетрудно
Нанявъ купеческое судно
Поплылъ онъ быстро внизъ рѣки —
Надулась Волга — бурлаки
Опершись на багры стальные
Уныннымъ голосомъ поють
Про тотъ разбойничій приютъ
Про тѣ разѣзды удалые
Какъ Ст[енька] Разинъ въ старину
Кровавилъ волжскую волну.

Изъ слѣдующей строфы поэтъ печаталъ только одно
слово («Тоска!»):

Поють про тѣхъ гостей незванныхъ
Что жгли да рѣзали — Но вотъ
Среди степей своихъ песчаныхъ
На берегу соленыхъ водъ
Торговый Астраханъ открылся
Онѣгинъ только углубился
Въ воспоминан[ья] прошлыхъ дней
Какъ жаръ полуденныхъ лучей
И комаровъ нахальныхъ тучи
Пища, жужжа совсѣхъ сторонъ
Его встрѣчаютъ — и взбѣшонъ
Каспійскихъ водъ брега сыпучи
Онъ оставляетъ тотже часъ
Тоска! — онъ ѣдетъ на Кавказъ

Вмѣсто строфы «Онъ видитъ Терекъ своенравный»
было двѣ строфы (въ рукописи недостаетъ начальнаго
четверостишія первой изъ нихъ):

Вдали Кавказскія громады
Къ нимъ путь открытъ — чрезъ ихъ преграды
За ихъ естественную грань
Съ копьемъ — — промчалась брань
Авось ихъ дикою красою
Случайно тронуть будетъ онъ
И вотъ, конвоемъ окружень
Во слѣдъ за пушкою степною
Въ предвѣрьи горъ, въ ихъ мрачный кругъ
(Ступилъ Онѣгинъ) — — вдругъ.

Онъ видитъ Терекъ разъяренный —
Трясетъ и точитъ берега, —
Надъ нимъ, съ чела скалы нагбенной
Виситъ олень, склонивъ рога —
Обвалы сыплются и блещутъ,
Вдоль скалъ прямыхъ потоки хлещутъ,
Межъ горъ межъ (двухъ высокихъ) стѣнъ
Идетъ ущеліе — стѣсненъ
Опасный путь все уже-уже —
Вверху чуть видны небеса
Природы мрачная краса
Вездѣ являетъ дикость ту же
Хвала тебѣ сѣдой Кавказъ
Онѣгинъ тронуть въ первый разъ.

Непосредственно за этой строфой слѣдовала строфа
(черновая):

Во время оное бывое!...
(Въ тѣ дни ты зналъ меня) Кавказъ
Въ свое святилище глухое
Ты (призывалъ) меня не разъ
Въ тебя влюбленъ я былъ безумной
И вновь (привѣтствовалъ ты) шумной:
Я (слышалъ) ревъ ручьевъ твоихъ
И (гулъ) обваловъ снѣговыхъ
Среди до(линъ?) — — —(топотъ)
(И кликъ орловъ) и пѣсни дѣвъ
И Терека свирѣпый ревъ
И эха дальнеземный хохоть —
(И зрѣлъ) смиренный твой пѣвецъ
(Казбека) царственный вѣнецъ.

Послѣ строфы «Питая горьки размышленья»:

Блаженъ кто старъ! блаженъ кто боленъ
Надъ кѣмъ лежитъ Судьбы рука!

Но я здоровъ, я молодъ воленъ
Чего мнѣ ждять? тоска! тоска!...»
Простите, снѣжныхъ горъ вершины
И вы Кубанскія равнины
Онъ ѣдетъ къ берегамъ инымъ
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ

Послѣдніе шесть стиховъ («Воображенію край священный») вошли въ печатный текстъ.

Къ строфѣ «Я жилъ тогда въ Одесѣ пыльной» относятся слѣдующіе наброски:

Тамъ все Европой дышитъ, вѣетъ,
Все движеть лирою пѣвца;
Тамъ хладнокровнаго купца
Блится рѣзвая подруга.

— Я жилъ поэтомъ,
Безъ дровъ зимой, безъ дрожекъ лѣтомъ
Но всякой

Въ черновикѣ строфы «Но ужъ дробить каменя молоть» поэтъ вспоминалъ о виновникѣ своей ссылки въ Михайловское — о графѣ М. С. Воронцовѣ:

И вмѣсто Графа Воронцова
Тамъ будетъ свѣжая вода, —
Тогда поѣдемъ мы туда.

Печатная редакція отрывковъ изъ Путешествія Онѣгина обрывается стихомъ

И такъ я жилъ тогда въ Одесѣ...

Послѣ этого въ рукописи:

Средь новоизбранныхъ друзей
Забывъ о сумрачномъ повѣсѣ
Героѣ повѣсти моей —
Онѣгинъ никогда со мною
Не хвасталъ дружбой почтовою
А я свободной человѣкъ
Не переписывался вѣкъ
Ни съ кѣмъ — Какимъ-же изумленьемъ
Судите, былъ я пораженъ
Когда ко мнѣ явился онъ! —
Неприглашеннымъ Привидѣньемъ —

Какъ громко ахнули друзья
И какъ обрадовался я — !

(Святая) дружба, гласъ природы — !!!
Взглянувъ другъ на друга потомъ
Какъ Цицероновы Авгуры
Мы разсмѣялися тишкомъ — — ¹⁾

— — — —
— — — —
— — — —

Недолго вмѣстѣ мы бродили
По берегамъ Эвксинскихъ водъ.
Судьбы насъ снова разлучили
И намъ назначили походъ
Онѣгинъ очень охлажденный
И тѣмъ что видѣлъ насыщенный
Пустился къ невскимъ берегамъ
А я отъ милыхъ Южныхъ дамъ
Отъ — — устриць черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ лсжъ
И слава Богу отъ вельможъ
Уѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ
Въ далекий сѣверный уѣздъ
И былъ печалень мой приѣздъ.

О гдѣбъ Судьба не назначала
Мнѣ безыменный уголокъ
Гдѣ бъ ни былъ я, куда бъ не мчала
Она смиренный мой челнокъ
Гдѣ поздній миръ мнѣ бъ не сулила
Гдѣ бъ ни ждала меня могила
Вездѣ, вездѣ въ душѣ моей
Благословлю моихъ друзей
Нѣтъ нѣтъ! нигдѣ не позабуду
Ихъ милыхъ, ласковыхъ рѣчей —
Вдали, одинъ, среди людей
Воображать я вѣчно буду
Васъ, тѣни прибережныхъ нивъ
Васъ миръ и сонъ Тригорскихъ нивъ

И берегъ Сороти отлогій
И полосатые холмы
И въ роцѣ скрытыя дороги

¹⁾ Эта строфа осталась неоконченной.

И домъ гдѣ пировали мы —
 Приютъ сѣнемъ Музъ одѣтый
 Младымъ Языковымъ воспѣтый
 Когда изъ капища наукъ
 Являлся онъ въ нашъ сельскій кругъ
 И Нимфу Сороти прославилъ
 И огласилъ поля кругомъ
 Очаровательнымъ стихомъ
 Но тамъ и я мой слѣдъ оставилъ
 Тамъ вѣтру въ даръ, на темну ель
 Повѣсилъ звонкую свирѣль —

18 сент. Болдино.
 1830.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА.

Изъ десятой главы, сожженной 19 октября 1830 года и записанной особымъ шифромъ,¹⁾ дошли до насъ только первыя четверостишія 14-ти строфъ, черновики двухъ строфъ и черновое начало строфы, которою, по всей вѣроятности, Пушкинъ и прервалъ писаніе десятой главы.

I.

Вла[ститель] слабый и лукавый,
 Плѣшивый щеголь, врагъ труда,
 Нечаянно пригрѣтый Славой,
 Надъ нами царствовалъ тогда

II.

Его мы очень смирнымъ знали,
 Когда не наши повара

¹⁾ На большихъ развернутыхъ листахъ (трехъ? четырехъ?) Пушкинъ записывалъ подрядъ, замѣняя «опасныя» собственныя имена послѣдними буквами алфавита и тире, сперва всѣ первыя стихи строфъ, потомъ всѣ вторые стихи строфъ, потомъ всѣ третьи и т. д. (въ нѣсколькихъ случаяхъ онъ ошибся и потому нѣкоторые стихи выпадаютъ изъ строфъ и не могутъ быть приурочены ни къ какому опредѣленному мѣсту). Такъ какъ до насъ дошелъ только первый листъ шифрованной записи, то мы и имѣемъ только начала строфъ.

Орла двуглаваго щипали
У Б[онапартова] шатра
.....

III.

Гроза 12 года
Наст[ала?] — кто тутъ намъ помогъ?
Остервененіе народа
Б[арклай?], зима иль Р[усскій] Б[огъ]
.....

IV.

Но Богъ помогъ — сталь ропоть ниже
И скоро силою вещей
Мы очутились въ П[арижѣ]
А Р[усскій] [Царь] главой [Царей].
.....

V.

И чѣмъ жирнѣе тѣмъ тяжеле
О Р[усскій?] глупый нашъ н[ародъ?]
Скажи за чѣмъ ты въ самомъ дѣлѣ
.....

VI.

Авось, о Шиболеть народный
Тебѣ бѣ я оду посвятилъ
Но стихоплетъ Великородный
Меня уже предупредилъ
.....

VII.

Авось аренды забывая
Ханжа запрется въ монастырь
Авось по манью [Николая]
Семействамъ возвратить С[ибирь]
Авось дороги намъ исправятъ
.....

VIII.

Сей мужъ судьбы, сей странникъ бранный
Предъ кѣмъ унизились цари,

Сей всадникъ Папою вѣнчанный
Исчезнувшій какъ тѣнь зари,
Измученъ казнію покоя

.....

IX.

Тряслися грозно Пиренеи —
Волканъ Неаполя пылалъ,
Безрукій К[нязь?] друзьямъ Морен
Изъ К[ишинева?] ужъ мигалъ

.....

X.

Я всѣхъ уйму съ моимъ народомъ
Нашъ царь въ покоѣ говорилъ

.....

А про тебя и въ усъ не дуетъ,
Ты А[лександровскій] холопъ

.....

XI.

Потѣшный полкъ Петра Титана,
Дружина старыхъ усачей
Предавшихъ нѣкогда [тирана?]
Свирѣпой шайкѣ палачей

.....

XII.

Н[ароды?] присм[ирѣли?] снова
И пуше [Царь] пошелъ кутить,
Но искра пламени инова
Уже издавно можетъ быть

.....

XIII.

У нихъ свои бывали сходки,
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки

.....

XIV.

Витійствомъ рѣзкимъ знамениты,
Сбирались члены сей семьи

У безпокойнаго Никиты,
У осторожнаго Ильи

.....

XV.

Другъ Марса, Вакха и Венеры,
Тутъ дерзко Лунинъ предлагаль
Свои рѣшительныя мѣры
И вдохновенно бормоталь,
Читаль свои ноэли П[ушкинъ]
Мел[анхольическій?] Як[ушкинъ?]
Казалось молча обнажалъ
Цареубійственный кинжалъ.
Одну Россію въ мірѣ (?) видя,
Лаская въ ней свой Идеаль,
Хромой Т[ургеневъ] имъ внималь,
И слово: рабство ненавида,
Предвидѣль въ сей толпѣ дворянъ
Освободителей крестьянъ.

XVI.

Такъ было надъ Невою льдистой,
Но тамъ, гдѣ ранѣ весна
Блестить надъ Каменкой тѣнистой
И надъ холмами Ту[льчина]
Гдѣ Витг[енштейновы] дружины
Днѣпромъ подмытыя равнины
И степи Буга облегли,
Дѣла (иныя ужъ) пошли.
Тамъ П[естель?] д —
И рать — — —набираль
Холоднокровный Генераль
И Муравьевъ, его скло[ня?]
Исполненъ дерзости и силъ
Союза (вспышку) торопилъ.

XVII.

Сначала эти заговоры
Между Лафит[омъ] и Клико
(Куплеты, дружескіе споры)
И не (входила?) глубоко
Въ сердца мятежн[ая] наука
(Все это было только) скука,
Бездѣлье молодыхъ умовъ,

Забавы взрослыхъ шалуновъ.
Казалось

узлы узлами
На[шь?] Ца[рь?] дремалъ
(И постепенно сътью тайной)

Два стиха въ зашифрованной записи нельзя приурочить къ опредѣленнымъ строфамъ:

Моря достались Албіону (VI-ая? IX-ая строфа?)
Кинжалъ — неразб. Б — (IX-ая строфа?)

Въ первомъ изданіи «Евгеній Онѣгинъ» выходилъ отдѣльными главами (кромѣ четвертой и пятой главъ, вышедшихъ вмѣстѣ подъ одной обложкой). Первая глава вышла въ 1825 году (цензурное разрѣшеніе отъ 29 декабря 1824 года) съ посвященіемъ: «посвящено брату Льву Сергѣевичу Пушкину» и со слѣдующимъ предисловіемъ:

Вотъ начало большаго стихотворенія, которое, вѣроятно, не будетъ окончено.

Нѣсколько пѣсень, или главъ Евгенія Онѣгина уже готовы. Писанныя подъ вліяніемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, онѣ носятъ на себѣ отпечатокъ веселости, ознаменовавшей первыя произведенія автора Руслана и Людмилы.

Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни Петербургскаго молодого человѣка въ концѣ 1819 года и напоминаетъ Беппо, шуточное произведеніе мрачнаго Байрона.

Дальновидные критики замѣтятъ конечно недостатокъ плана. Всякой воленъ судить о планѣ цѣлаго романа, прочитавъ первую главу онаго. Станутъ осуждать и антипоэтический характеръ главнаго лица, сбивающагося на Кавказскаго Пльнника, также нѣкоторыя строфы, писанныя въ утомительномъ родѣ новѣйшихъ элегій, въ коихъ чувство унынія поглотило всѣ прочія. Но да будетъ намъ позволено обратитъ вниманіе читателей на достоинство, рѣдкія въ сатирическомъ писателѣ: отсутствіе оскорбительной личности и наблюденіе строгой благопристойности въ шуточномъ описаніи нравовъ.

Кромѣ того, тексту первой главы былъ предпосланъ «Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ». Къ словамъ

«Dandy» (IV-ой строфы) и «боливаръ» (XV-ой строфы) въ первомъ изданіи не было примѣчаній, за то къ послѣднему стиху VIII-ой строфы мы находимъ слѣдующее примѣчаніе:

2. Вдали Италіи своей.

Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ нынѣшній Акерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ элегіяхъ *Ex ponto* онъ ясно назначаетъ мѣстомъ своего пребыванія городъ Тома при самомъ устьѣ Дуная. Столь же несправедливо и мнѣніе Вольтера, полагающаго причиной его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія, десять лѣтъ тому прежде, была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово, и тайна его съ нимъ умерла:

Alterius facti culpa silenda mihi.

Примѣч. Соч.

5-ый стихъ XV-ой строфы читался:

У Князя балъ, у Графа праздникъ.

Примѣчаніе къ имени Talon (въ XVI-ой строфѣ) читается болѣе пространно: Извѣстный рестораторъ того времени.

Къ послѣднему стиху XXVI-ой строфы первое изданіе давало примѣчаніе:

6. Въ Академическій словарь.

Не лзя не пожалѣть, что наши писатели слишкомъ рѣдко справляются со словаремъ Россійской Академіи. Онъ останется вѣчнымъ памятникомъ попечительной воли Екатерины и просвѣщеннаго труда наслѣдниковъ Ломоносова, строгихъ и вѣрныхъ опекуновъ языка отечественнаго. Вотъ, что говоритъ Карамзинъ въ своей рѣчи:

«Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ, важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для всякаго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ. Наша, безъ сомнѣнія, счастливая, судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы

зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая... кто изъ насъ и въ самый цвѣтушій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ, и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академій съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для васъ, милостивые государи, незабвеннымъ, драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ.»

Примѣч. Соч.

XXX, 13-14: И нынче иногда во снѣ
Онѣ смущаютъ сердце мнѣ.

Къ этимъ стихамъ сдѣлана выноска: Непростительный галлицизмъ. Соч.

XLII, 4: Довольно скученъ лучшій тонъ.

9-10: Къ тому жъ онѣ такъ величавы,
Такъ непорочны, такъ умны,

12: Такъ чисто сохраняютъ нравы

XLV, 6: Не подражаемая странность

XLV и XLVI напечатаны въ обратномъ порядкѣ.

LIII, 2: Къ покойнику со всѣхъ сторонъ

11: Хозяинъ полный, и досель

Въ томъ же 1825 году и въ слѣдующемъ 1826-мъ, въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ были напечатаны отрывки изъ второй главы со слѣдующими вариантами по сравненію со всѣми другими изданіями:

VIII, 4: Его всечасно ждетъ она

6: За честь его пріять оковы

9: Что есть избранные судьбами

IX, 4: Въ немъ рано распаляли кровь

X, 8-9: И романтическую даль

И увядающія розы

XXIX 3: Она влюблялася въ обманы

Глава вторая («писано въ 1823 году») вышла въ 1826 году (цензурное разрѣшеніе отъ 27 сентября 1826 года) со слѣдующими отличіями отъ нашего текста:

V 6: Завидятъ ихъ домашни дроги,
VI, 6: Душой Филистеръ Геттингенскій
VII, 8: Еще плѣнили юный умъ. (опечатка?)
14: И чудеса воображалъ.

VIII кончалась стихомъ: Разбить сосудъ клеветника.

XI, 14: Еще былъ менѣе уменъ.

XVI, 1: Межь ими все раждало споры

XXXII, 7: Какъ Простакова управлять,

XXXIII, 3: Звала Полиной Парасковью,

XXXVIII, 11: И къ гробу пращѣдовъ спѣшитъ

Кромѣ того, въ первомъ изданіи второй главы (равно какъ и въ другихъ отдѣльныхъ изданіяхъ, кромѣ восьмой главы) вовсе не было пояснительныхъ примѣчаній. Первая и вторая главы съ небольшими измѣненіями были повторены изданіемъ въ 1829 и 1830 гг.. Въ 1827 году, прежде отдѣльнаго изданія, въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» были напечатаны «Отрывки изъ III главы Евгенія Онѣгина. Ночной разговоръ Татьяны съ ея няней» и «Письмо Татьяны» — со слѣдующими разночтеніями:

XVIII, 11: Меня благословилъ отецъ (перестановка)

XX, 6: И томнымъ свѣтомъ озаряла

13: И все дышало въ тишинѣ

Письмо: И слѣпо ей себя ввѣряю.

Отдѣльнымъ изданіемъ третья глава вышла въ 1827 году («Съ дозволенія Правительства») со слѣдующимъ предисловіемъ:

«Первая глава Евгенія Онѣгина, написанная въ 1823 году, появилась въ 25. Спустя два года, издана вторая. Эта медленность произошла отъ постороннихъ обстоятельствъ. Отнынѣ изданіе будетъ слѣдовать въ безпрерывномъ порядкѣ: одна глава тотчасъ за другою.»

Текстъ перваго изданія отличается отъ послѣдняго (1837 года) слѣдующими разночтеніями:

I, 7: Тамъ каждый вечеръ убивать?

IV, 2: Зимой летятъ во весь опоръ. (Опечатка, вполнѣдствіи оговоренная Пушкинымъ).

V, 2: Какъ у Вандиковой Мадонѣ:

XX, 13: — Какъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ».

XXIV, 14: И легкомыслія страстей?

Въ письмѣ Татьяны: То въ вышнемъ суждено совѣтъ... (такъ и въ «Сѣв. Цвѣтахъ»)

XXXIII, 7: Ужъ ей Филипьевна сѣдая

XXXIV, 8: Сосѣду... да велѣтъ ему —

XXXIX, 8: Сбирали ягоду въ кустахъ

Въ 1827 же году въ «Московскомъ Вѣстникѣ» (№№ 6 и 20) появились отрывки изъ путешествія Онѣгина подъ заглавіемъ «Одесса» (начиная стихомъ «Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной») и первыя четыре строфы (не входившія въ полныя изданія) четвертой главы. Въ слѣдующемъ, 1828 году, въ томъ же «Московскомъ Вѣстникѣ» (№№ 1 и 2) были напечатаны два отрывка — изъ седьмой главы: «Москва (изъ Евгенія Онѣгина)» и «Альбомы (изъ IV-й главы Евгенія Онѣгина)». Приводимъ разночтенія «Московского Вѣстника»; въ IV главѣ:

- XXVII, 1: Поѣдетъ онъ домой — и дома
3: Листки летучіе альбома (перестановка).
10: Пониже подписей другихъ
12: Безмолвный памятникъ свиданья,

Въ VII-ой главѣ:

- XXXVI, 1 Предъ ними
XXXVIII, 5: Возокъ летитъ черезъ ухабы
6: Мелькаютъ мимо ружья, бабы,
9: Бухарцы, дрожки, огороды,
11: Бульвары, будки, казаки,
XLIV, 1: По скучнымъ родственнымъ обѣдамъ
XLV, 5: Все то же лжетъ Петровна
14: И также важно ловить мухъ
XLVI, 4: Кузину съ ногъ до головы
8: А впрочемъ право недурной
XLVII, 12: Залогъ и горестей и счастья
XLVIII, 5: Все въ нихъ такъ вяло, равнодушно
10: Не вздрогнетъ сердце, хоть для шутокъ
L, 2: Протяжно раздается вой,
LI, 4: Мельканье въ вальсѣ быстрыхъ парь,
10: Пустую голову, корсетъ
LIII, 14: Туда, гдѣ онъ явился ей.

Опечатки, допущенныя «Московскимъ Вѣстникомъ» (напр., въ строфахъ XXXVIII и XLV), заставили Пушкина тогда же перепечатать этотъ отрывокъ въ «Сѣверной Пчелѣ» (1828, № 17).

Четвертая и пятая главы вышли вмѣстѣ въ 1828 году («Съ дозволенія Правительства») съ посвященіемъ «Петру Александровичу Плетневу»; на другомъ листѣ¹⁾,

¹⁾ Иначе говоря, напечатано такъ, что не можетъ быть увѣренности въ томъ, что «Не мысля гордый свѣтъ забавить» относится къ Петру Александровичу Плетневу.

съ датой «29 декабря, 1827» — «Не мысля гордый свѣтъ забавить» etc. Приводимъ разночтенія этого изданія:

Четвертая глава:

XXII, 12: Почтенный, милый мой читатель!

XXIV, 11: Мнѣ грустно, милые мои!

XXVII, 9: То на листахъ воспоминанья,

XXIX, 13-14: Не стануть вѣрно разбирать,

Остро ль, иль нѣтъ, я могъ соврать,

XXX, 6: Т — кистью чудотворной,

7: Иль Б — перомъ,

10: Мнѣ свой in-quarto поднесеть,

XXXI, 9: Такъ ты, Я — вдохновенный,

XXXII, 6: Или одно и тоже квакать,

XXXVI — не была выпущена

XLIII, 13: Кой-какъ пройдетъ, и завтра тожь,

XLVIII, 10: А то, *mon cher*, суди ты самъ

LI, 3-4: Стократъ блаженъ, кто въ теплой вѣрѣ

Холодный умъ угомонивъ,

Пятая глава.

IV, 14: Мужей военныхъ и походъ.

V, 9: Жеманный ль котъ, на печкѣ сидя,

VI, 9: Ей встрѣтить добраго монаха,

VIII, 9: Тамъ мужики-то все богаты;

XV, 2: Ее подъемлетъ и несетъ;

10: И въ шалашѣ ужасный шумъ;

11: Медвѣдь промолвилъ: здѣсь мой кумъ;

XVI, 12: Тутъ шевелится хоботъ гордой,

XVII, 1-7: Тамъ суетливый ежъ въ ливрѣ,

Тамъ ракъ верхомъ на паукѣ,

Тамъ черепъ на гусинной шеѣ

Вертится въ красномъ колпакѣ,

Тамъ мѣльница въ мундирѣ

пляшетъ,

И крыльями трещить и машеть;

Визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ,

XVIII, 3: Онъ засмѣялся: всѣ хохочутъ;

XIX, 10: Хвосты, хохлатые клыки, (пунктуация, мѣняющая смыслъ)

XX, 10: За нею милой; свѣтъ блеснулъ;

XXV, 11: Лай мосекъ, чвоканье дѣвиць,

XXX, 6: Въ ней тайный жаръ; ей душно, дурно;

XXXIII, 8: Къ ней обратясь съ листомъ въ рукѣ

XXXVII и XXXVIII строфы въ первомъ изданіи не

были выпущены, точно такъ же, какъ и 10 стиховъ XLIII-й строфы

XLV, 14: Какъ разъ рѣшатъ судьбу его.

Глава шестая вышла въ свѣтъ также въ 1828 году («Съ дозволенія Правительства») со слѣдующими разночтеніями:

VII, 5: *Sed alltri tempora!* Удалость

VIII, 11: Онѣгину, потупя взоръ

XVII, 14: Съ Онѣгинымъ стрѣляюсь я.

XXXVI, 3: Вы, признакъ жизни неземной,¹⁾

XXXVII, 13-14: Къ ней не домчится гимнь

временъ,

Благословенія племеньъ.

XLIV, 6: Гдѣ, вѣчная вамъ риѣма, младость?

XLVI и XLVII напечатаны полностью (см. примѣчаніе Пушкина,

Въ концѣ шестой главы (послѣ словъ «Конецъ первой части») былъ напечатанъ очень важный списокъ опечатокъ. Въ этомъ длинномъ и, повидимому, тщательно составленномъ списокѣ, указаны, между прочимъ, двѣ опечатки, которыя (очевидно, по небрежности П. А. Плетнева) перешли и въ послѣдующія полныя изданія «Евгенія Онѣгина» — 1833 и 1837 г.: въ четвертой главѣ (13 стихъ XXVII строфа) — «долгіи слѣдъ» (было напечатано «легкій») и въ пятой (3 стихъ XLIV-ой строфы) — «проворно» (было «проворный»).

Начало седьмой главы (первыя четыре строфы) появилось въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» на 1830 годъ, и отрывокъ изъ путешествія Онѣгина («Отрывокъ изъ VIII главы Евгенія Онѣгина» — «Прекрасны вы, берега Тавриды» до одесскихъ строфъ) въ № 1 «Литературной Газеты» 1830 года (разночтеніе: «Мой идеаль: жена хозяйка»).

Полностью седьмая глава появилась въ свѣтъ также

¹⁾ Въ этомъ разночтеніи мы, можетъ быть, имѣемъ не опечатку, а единственное вѣрное чтеніе (и въ такомъ случаѣ изданія 1833 и 1837 г. допустили опечатку): такъ и въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ» Пушкинъ называетъ вдохновеніе не призракомъ, а «признакомъ Бога» («и, признакъ Бога, вдохновенье, для нихъ и чуждо, и смѣшно»).

въ 1830 году («Съ дозволенія Правительства») со слѣдующими различіями:

X, 5-6: Уланъ увлекъ ея вниманье,
Уланъ успѣлъ ея страданье

XVI, 14: Взявъ барышню подъ свой покровъ

XXII, 5: Пѣвца Манфреда и Жуана,

XXVI, 10: Въ Москву, на ярманку невѣсть!

«Послѣдняя глава Евгенія Онѣгина» вышла въ свѣтъ въ 1832 году (цензурное разрѣшеніе отъ 16 ноября 1831 года) съ «Предисловіемъ» («Пропущенныя строфы подавали неоднократно поводъ»....) и т. д. — см. Предисловіе къ «Отрывкамъ изъ Путешествія Онѣгина» — стр. 201), безъ примѣчанія къ слову «раутъ» и со слѣдующими различіями:

VI, 5: Сквозь рядъ напыщенныхъ

магнатовъ,

11: Явленьемъ медленнымъ гостей

XXI, 4: Его встревоженъ поздній сонъ.

XLIV, 10: Что милостивъ за то къ намъ
Дворъ?

Въ 1833 году вышло первое полное изданіе «Евгенія Онѣгина» со множествомъ исправленій и.... со множествомъ опечатокъ (текстъ этого изданія обычно и принимался и до сихъ поръ принимается за основу). Въ 1837 году (по преданію, 29 января, въ день смерти поэта) это изданіе было повторено, при чемъ однѣ опечатки были устранены, а другія, едва ли не гораздо болѣе многочисленныя, прибавлены (наибольшее затрудненіе вызываетъ тѣмъ, что не всегда можно рѣшить вопросъ, имѣемъ ли мы дѣло съ исправленіемъ или съ новой опечаткой). Въ основу нашего текста и положено это послѣднее прижизненное изданіе, которое мы точно воспроизводимъ, сохраняя пушкинскую орфографію и пунктуацію и позволяя себѣ отступленія только въ тѣхъ случаяхъ, когда неисправность его совершенно явна. Съ цѣлью исчерпать этотъ вопросъ въ отношеніи къ послѣднему пушкинскому изданію, мы оговариваемъ всѣ безъ исключенія случаи отступленія отъ этого изданія. Прежде всего, мы исправляемъ по приложенному Пушкинымъ списку опечатокъ къ отдѣльному изданію шестой главы опечатки, сохраненныя всѣми изданіями, въ 13 стихѣ XXVII-ой строфы четвертой главы («легкій слѣдъ») и 3 стихѣ

XLIV-ой строфы пятой главы («проворный»). Далѣе: 11-ое примѣчаніе въ изданіи 1837 года читается «См. первое изданіе Евгенія Онѣгина»: очевидно, что это замѣчаніе (а не примѣчаніе) можетъ относиться не къ читателю (который не обязанъ имѣть всѣ изданія), а только къ лицу, слѣдившему за печатаніемъ романа — оно должно было возстановить это примѣчаніе по первому изданію (въ изданіи 1833 года оно было дано въ сокращенномъ видѣ); само собою разумѣется, что мы напечатали вмѣсто словъ «См. первое изданіе Евгенія Онѣгина» полный текстъ примѣчанія по первому изданію. По рукописи мы напечатали 8-ой стихъ четвертой строфы («И рабъ судьбу благословиль», вмѣсто «Мужикъ»), 7-ой стихъ XXXII-ой строфы («Самодержавно управлять» вмѣсто «Единовластно») и возстановили выпущенные во всѣхъ изданіяхъ 7 стиховъ XXXV-ой строфы второй главы, такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ можемъ предполагать измѣненія, вызванныя цензурными условіями. Исправлены нами явныя опечатки въ словахъ, обезсмысливающія текстъ: въ 6-мъ стихѣ XXVII строфы второй главы («страшные рассказы» вмѣсто «странные рассказы»), въ 11-мъ стихѣ XXIII-й строфы («Казался иногда нѣжнѣй» вмѣсто «важней»), въ 7 стихѣ XXXI строфы («Кто ей внушала умильный вздоръ» — вмѣсто «взоръ»), въ 12 стихѣ XX-ой строфы («Старушку въ длинной тѣлогрѣйкѣ» вмѣсто «Старушка»), въ письмѣ Татьяны («Не ты ль съ отрадой и любовью» вмѣсто «съ отравой») третьей главы, въ 7 стихѣ XXVIII-ой строфы четвертой главы («Въ знакъ дружбы вѣрной внесены» вмѣсто «вѣрно»), въ 3 стихѣ XIV строфы («Къ хозяйкѣ дама приближалась» вмѣсто «дома») и въ письмѣ Онѣгина къ Татьянѣ («Увидитъ вашъ суровый взоръ» вмѣсто «Увидѣтъ») восьмой главы, въ 7-мъ примѣчаніи («Вся сія ироническая строфа» вмѣсто «ироническая»), въ 28-мъ примѣчаніи («въ Эдѣ Баратынскаго» вмѣсто «въ Одѣ»), въ «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина»: «Глядитъ на дымныя струи» вмѣсто «зимнія» и «Открыть Casino» вмѣсто «Открыть». Исправлены явныя орфографическія ошибки-опечатки: «Младые дни» вмѣсто «Младья» (I гл. XVIII, 14), «понекому» вмѣсто «по некому» (I гл. XXXVIII, 5), «Child-Harold» вмѣсто «Child-Horald» (I гл. XXXVIII, 9), «невозвратимыхъ дней» вмѣсто «не возвратимыхъ» (I гл. XLVI, 14),

«изрѣзцахъ» вмѣсто «изрѣсцахъ» (II гл. II, 8), искусствомъ» вм. «искуствомъ» (II гл. XI, 12), «прилежно» вм. «прилѣжно» (II гл. XVI, 14), «прилежный» вм. «прилѣжный» (II гл. XVIII, 12; VIII гл. XIX, 5), «разсказамъ» вм. «расказамъ» (II гл. XVIII, 13), «разсказъ» вм. «расказъ» (II гл. XIX, 13), «Русской» вм. «Руской» (II гл. XXXIII, 6), «по-Русски» вм. «по Руски» (III гл. XXVI, 5; XXVII, 2), «мелькнулъ» вм. «мелкнулъ» (Письмо Татьяны), «Вдругъ» вм. «вдрудъ» (III гл. XXXVIII, 3), «пенять» вм. «пѣнять» (IV гл. XVII, 11), «то же» вм. «стоже» (IV гл. XVIII, 9), «подругѣ» вмѣсто «подруги» (IV гл. XXXV, 4), «бокаль» вмѣсто «бакаль» (IV гл. XLVI, 10), «иней» вм. «иній» (V гл. IV, 5), «старины» вм. «старинѣ» (V гл. V, 2), «некогда» вм. «нѣкогда» (V гл. XIV, 9), «шалашъ» вм. «шалашъ» (V гл. XV, 6), «Харликова» вм. «Хорликова» (V гл. XXVII, 1), «Трике» вм. «Трикѣ» (V гл. XXVII, 6), «скобкахъ» вм. «скобкакъ» (V гл. XXXVI, 9), «Калмыцкаго» вм. «Калмыцаго» (VI гл. V, 8), «впросакъ» вм. «въ просакъ» (VI гл. VI, 7), «Межъ» вм. «Мѣжь» (VI гл. XXVI, 3), «очерствѣтъ» вм. «очерствѣтъ» (VI гл. XLVI, 10), «встрѣчаетъ» вм. «встрѣчаетъ» (VII гл. I, 4), «виденъ» вм. «видѣнъ» (VII гл. VI, 8), «наперсница» вм. «наперстница» (VII гл. XIII, 6), «бесѣдовать» вм. «бѣсѣдовать» (VII гл. XXIX, 7), «повара» вм. «повора» (VII гл. XXXII, 2), «пятьсотъ» вм. «пять сотъ» (VII гл. XXXIII, 5), «разскажемъ» вм. «раскажемъ» (VII гл. XLVII, 1), «вкривъ» вм. «въ кривъ» (VII гл. LV, 11), «молодежь» вм. «молодежь» (VIII гл. III, 11), «безмолвный» вм. «безмолвный» (VIII гл. VII, 6), «пятьдесятъ» вм. «пятдесятъ» (VIII гл. X, 9), «обрѣсти» вм. «обрести» (VIII гл. XIX, 7), «сердце» вм. «серце» (VIII гл. XX, 8), «съ виду» вмѣсто «свиду» (VIII гл. XXIV, 6) «ложъ» вмѣсто «ложь» (VIII гл. XXV, 7), «Морфей» вм. «морѣей» (VIII гл. XXVIII, 10), «впервые» вм. «въ первые» (VIII гл. L, 11), «отѣняются» вм. «стѣняются» (8-ое примѣчаніе), «Новая Элоиза» вм. «новая Элоиза» (18-ое примѣчаніе), «Верблюдъ» вм. «Верблюды», «баловень» вм. «баловень», «негоціантка» вм. «негоціанка» («Отрывки изъ путешествія Онѣгина»). Въ нашемъ изданіи исправлены также не опечатки въ собственномъ смыслѣ слова, а слѣдующіе случаи неустойчивой орѳографіи: «по-немногу» вм. «по немногу» (I гл. XXXVIII, 5), «нельзя» вм. «не лзя» (III гл. II, 8), «сейчасъ» вм. «сей часъ»

(Ш гл. II, 13), «Неужто» вм. «не ужъ-то» (Ш гл. V, 5), «ничуть» вм. «ни чуть» (IV гл. XXXII, 13), «Сегодня» вм. «Сего дня» (VIII гл. XLII, 14). Во многихъ случаяхъ мы исправили также пунктуацію изданія 1837 года: пропуски запятыхъ (I гл. XLVII, 12; II гл. IV, 2; II гл. XXXVI, 8; III гл. XXXVIII, 6; IV гл. XXV, 2; V гл. XXXII, 1; VI гл. XLVI, 5; VII гл. XV, 7; VII гл. XXIII, 5; VII гл. XXV, 14; VIII гл. V, 8; VIII гл. XXVIII, 13; въ путешествіи — «Машукъ податель....»), кавычекъ (III гл. XX, 3; VI гл. XIV, 1; VI гл. XXVI, 7), скобокъ (IV гл. XLVI, 9), лишнія запятія (II гл. XXI, 13; V гл. IV, 13; V гл. XVII, 3; VIII гл. XXVIII, 13; въ «Отрывкахъ изъ путешествія Онѣгина» — «Кокетка, злыхъ годовъ....»), лишнія точки (V гл. IV, 2; VII гл. XX, 13; VII гл. XXIV, 7; VII гл. XXXVIII, 13; VIII гл. XXVI, 7), неправильные знаки препинанія или отсутствіе ихъ (III гл. II, 8; III гл. XXXIX, 3; III гл. XLI, 4; IV гл. XXIV, 1 и 7; IV гл. XXVIII, 9-10; IV гл. XXX, 8; V гл. X, 8; VI гл. XXVII, 9; VI гл. XXXVI, 10; VI гл. XLIII, 9; VII гл. XXXI, 9; VII гл. XXXIV, 6; VII гл. XXXV, 10 VIII гл. XXVI, 7).

Особо слѣдуетъ отмѣтить исправленіе нами знака точки съ запятой; въ пушкинскую эпоху этотъ знакъ употреблялся двояко: и такъ, какъ мы его теперь употребляемъ, и въ значеніи, которое мы придаемъ запятой и тире; такъ какъ послѣднее значеніе въ настоящее время утрачено, мы въ нѣсколькихъ случаяхъ замѣнили точку съ запятой — запятой съ тире (V гл. VI, 4 и 11; V гл. XXXIV, 4 и 12; VI гл. XL, 1). Наконецъ мы, для ясности чтенія, вставили въ прямыя скобки имена, которыя Пушкинъ замѣнялъ въ печати тремя звѣздочками, но которыя сохранились въ его рукописи («Что тамъ ужъ ждетъ его *** [Каверинъ]», «Второй *** [Чадаевъ], мой Евгенийъ....»).

М. Л. Гофманъ

ЕВГЕНІЙ ОНЪГИНЪ,

РОМАНЪ ВЪ СТИХАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА.

Съ комментаріями М. Л. Гофмана, С. М. Лифаря
и Г. Л. Лозинскаго

Подъ редакціей М. Л. Гофмана

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНИЕ

ПАРИЖЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ “ÉTOILE”

1937